

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

Принц Востинин

Повесть-сказка
(журнальный вариант)

Художник Владимир Левицкий

*Сыну Яше с благодарностью
за имя и образ
Донкранка Фира*

Глава шестая

Три шага в ширину, четыре шага в длину. Кольца цепи гремят при ходьбе. Бывший царь Ахора Баг Атем, а ныне узник подземелья потерял счет дням и месяцам, которые протекли в застенке. Исхудавшее тело постоянно болит от того, что приходится спать на тонком тюфяке, сквозь который выпирающие кости чувствуют холодный камень.

Кольцо цепи больно давит на лодыжку. Под

кольцом образовалась язва, которая не успеваает зажить. Баг Атему холодно, он зябко ежится.

Дважды в день ему приносят едва теплую похлебку, которая не помогает согреться. Конец цепи укреплен в кольце, вмурованном в каменную стену. В камере темно. Сквозь решетку, преграждающую выход в коридор, виден неясный отблеск света. Это у входа в подземелье чадит факел. Светлее становится, когда стражник приносит еду. Он освещает себе дорогу факелом, свет которого режет глаза, привыкшие к темноте.

Баг Атем уже не надеялся на спасение. Иногда он думал о том, как живет Ахор, как правит

Продолжение. Начало в журнале «Север» № 7-8, 2014 г.

его сын Джуга, горячий юноша. Хватает ли у него терпения довольствоваться тем, что есть, или же он развязал войну с Хостинпуром? Если это так, Ахору придется трудно в этой войне.

Сначала Баг Атем пытался считать дни, но потерял им счет, когда лихорадка свалила его. Добрые руки девушки выходили его. Кто эта девушка? Она приходила три раза, столько же, сколько Хадм, мучивший его. Когда это было?

Шаги зазвучали в коридоре, загремел открываемый замок, и перед Баг Атемом оказалась миска с похлебкой...

Стражник удалился, но царь недолго оставался в одиночестве. В камеру вошел воин в прочной и дорогой одежде, вооруженный мечом и кинжалом. Перо украшает его шапочку. Видно, что это не обычный мечник, это начальник, привыкший отдавать приказания.

— Ну что, Баг Атем? Ты еще жив?

Царь с трудом приподнялся со своего ложа. Он сощурил глаза, болящие от света факела, который кажется ему ярким, словно солнце.

— Зачем ты мучаешь меня, Хадм? Где я? Долго ли мне здесь быть?

Хадм злобно расхохотался.

— Ты сам не захотел, царь, чтобы я служил тебе! Я нашел себе другого господина, который ценит мои достоинства. Ты в замке великого мага Кнохта, главы ордена Возрождения. Сколько ты здесь пробудешь — решает он. По мне, будь подольше! Мне приятно видеть, как ты умираешь и не можешь умереть. Именно так должны мучиться мои враги, люди, когда-то презревшие меня!

— Что с моим сыном? — простонал Баг Атем.

— А сын, я надеюсь, будет умнее тебя! Он разгромит зажавшихся хостинпурцев, и мы ему в этом поможем.

Слезы выступили на глазах старика:

— Почему же он не ищет меня?

— Ему не нужен глупый старый отец! — смеется воин.

Он наклонился над стариком, сверля его глазами:

— Ты не нужен тем, для кого старался, Баг Атем! Ты сделал ошибочный выбор, теперь плати за него!

Хадм с размаху пнул старика в живот, отчего старик сжался в хрипящий комок на своем тюфяке.

— Я еще вернусь! — бросил Хадм, выходя из камеры и запирая решетку.

Баг Атем скорчившись лежит на тюфяке, прислушиваясь к тому, как постепенно затихает боль от удара. Он не знает, верить ли Хадму, но больше верить некому, стражник, приносящий похлебку, молчит. Может быть, он немой. Девушка, навещавшая царя, мало что знала.

Царь чувствует, как его сознание мутится, и пытается подняться. Резкая боль в боку заставляет его вскрикнуть. За этим криком он не слышит легкие шаги по коридору. Только когда ключ в замке начинает поворачиваться, Баг Атем бросил взгляд на решетку.

К нему спешит девушка в легкой белой накидке. Она устроилась рядом с царем, укрепив небольшой факел в кольце, вбитом в стену, достала плоску с бальзамом и осмотрела тело царя.

— Кто ты? — прошептал Баг Атем. — Я помню, ты уже приходила.

— Да, — ответила девушка. — Меня зовут Юлия, я служу в этом дворце, а когда получается, прибегаю к вам. Сейчас хозяин занят разговором с каким-то страшным пришельцем, у нас есть время.

Она приподняла руки царя, увидела набухающий синяк на ребрах. Ловкими движениями сняла тряпку, прикрывающую плоску, и принялась накладывать бальзам на тело царя. Баг Атем почувствовал приятную прохладу, несущую здоровье измученному телу.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он. — Если тебя поймают, то ты можешь потерять жизнь. А я за свою жизнь не держусь, может, будет лучше умереть поскорее...

— Не надо так говорить! — прервала его Юлия. Не обращая внимания на слова царя, она перешла к язве, натертой кольцом на ноге узника, и принялась заталкивать бальзам под кольцо.

Царь застонал то ли от боли, то ли от осознания бессилия.

— Ты не знаешь, зачем Хадм держит меня здесь? — спросил Баг Атем.

— Это не Хадм вас держит! — завершив накладывать бальзам, девушка откинула нависшую на глаза прядь густых каштановых волос. — Вас заточили по приказу мага Кнохта, хозяина здешнего замка. Я не знаю, как долго будут длиться ваши мучения, но подслушала, как Хадм просил разрешения умертвить вас, а Кнохт не позволил.

Царь слушал молча. Девушка продолжала:

— И еще я вчера подслушала их разговор. Может, вам будет интересно. Они обманули вашего сына. Теперь я знаю, что кто-то из друзей Кнохта всыпал вам парализующий яд в пищу. Тогда все подумали, что вы умерли, Хадм со своими головорезами выкрал тело, а на его место подложил тело другого человека, внешность которого изменили с помощью магии. Ваши подданные считают вас умершим, они же сами участвовали в похоронах.

Царь облегченно вздохнул:

— Спасибо тебе, дитя мое! Теперь я понимаю, почему сын не разыскивает меня. Теперь даже если мне придется умереть, я умру спокойно.

Где-то в глубинах подземелья, куда вел далекий темный коридор, раздался вой, от которого царю стало жутко. Девушка, казалось, не обратила на вой никакого внимания:

— Не бойтесь! Я часто слышу эти голоса, но Кнохт держит каких-то страшилищ в горном проходе, чтобы в замок никто не мог войти.

— А выйти через этот проход можно? — спросил царь, лицо которого озарила надежда.

Юлия покачала головой:

— Нас быстро догонят. Кроме того, я не смогу снять с вас цепь. Но вы не отчаивайтесь, может, еще представится какой-нибудь шанс. Кнохт пока не хочет вашей смерти. Я знаю, что сначала вас похитили по просьбе Хадма. Маг будто бы оказал услугу своему приближенному. Но на самом деле вы нужны самому волшебнику. Если я узнаю что-нибудь еще, я постараюсь рассказать.

— Спасибо тебе, милая! — поблагодарил царь. — А почему ты сама не хочешь бежать?

— А мне некуда идти! — просто ответила девушка. — Родителей у меня нет, я жила у дяди. Дядя занимался торговлей, однажды мы пошли с караваном из Лахи в Хостинпур. Обычно туда ходили по морю, но дядя решил рискнуть, надеясь сэкономить. На нас напали страшные существа, наверное, это были пустынные колдуны. На моих глазах погибли дядя и многие другие. Не знаю, каким чудом мне удалось бежать, добраться до ручья в скалах и не погибнуть там. А потом меня нашли люди Кнохта и привели сюда.

— Так ты тоже пленница? — грустно спросил царь.

— Да, но со мной обращаются как со служанкой. А вы почему здесь? Почему Хадм вас так ненавидит?

Бальзам, наложенный девушкой, уже оказывал свое благотворное действие. Боль утихла, кожа, стертая кольцом цепи, затягивалась на глазах.

— Однажды я сам повелел схватить Хадма и бросить в тюрьму. Ему удалось бежать. Видишь ли, Юлия, Ахор, царем которого я был, некогда гордился своей воинской славой. Но те времена ушли, был заключен мир. Теперь мы не нападаем на соседние страны, но многие жители Ахора, наслушавшись рассказов своих дедов, хотят вновь превратить государство в орду грабителей. Из-за этого у нас часто возникают споры, но мне удавалось удерживать горячие головы, пока споры шли во дворце.

Хадм был простым солдатом, но не очень хорошим. Солдат должен уметь подчиняться, а Хадм не умел. Однажды, обидевшись на что-то, он убил начальника своей сотни и поднял бунт. К Хадму стали стекаться люди, в одной из провинций ему удалось собрать небольшую армию, которая начала с того, что стала грабить самих ахорцев. Я отправил войска, мы легко разметали сборище Хадма, а его самого упрятали в тюрьму. Был назначен день казни, но накануне ему удалось бежать. Я не знаю, как ему это удалось. Возможно, измена притаилась в моем дворце, ведь многие, хоть и не высказывали эти мысли очень громко, считали, что нам нужна война.

В день несостоявшейся казни я потерял сознание, а потом оказался здесь. Теперь благодаря твоему рассказу я понял, как это случилось. Первым, кого я здесь увидел, был Хадм.

Долгий рассказ утомил царя. Юлия тоже то-ропилась:

— Не падайте духом. Может быть, боги еще помогут нам! — сказала она на прощание, легко выскользнув из камеры и вновь запирая решетку.

Царь слабо помахал ей рукой.

— Я еще вернусь! — повторила она слова, которыми с узником попрощался Хадм. Но сейчас эти слова звучали для царя не зловещим обещанием, а сладкой музыкой.

В столицу Хостинпура съехались гости из

окрестных царств и княжеств. Улицы были украшены вымпелами и гирляндами цветов, опутывавшими квартал за кварталом. Нежный цветочный запах плыл над городом, наполняя головы сладким предчувствием счастья. Повсюду царило веселье. Народ с интересом встречал знатных гостей, прибывших из других государств, рассматривая богатые одежды, упряжь коней, украшенных к празднику, носилки сановников, слишком знатных, чтобы ходить пешком.

К празднику готовились и в царском дворце. Царь Падаси, принимая гостей, умело скрывал недомогание, хотя вынужден был ограничивать время общения с посланцами иных государств. Предлог у него для этого был — все понимали, что у царя много времени отнимает подготовка к женитьбе сына. На самом деле заботы об устройстве праздника взяла на себя Дурга, без усталости рассылавшая слуг и служанок. Царицу и саму видели то в кухнях, то в помещениях, где с утра до вечера трудились изготовители цветочных гирлянд, то в подвалах винодельни, то в мастерских, где работали ткачи и швеи.

Залы дворца сияли чистотой, стены — белизной и позолотой.

В день свадьбы Хостинпур проснулся рано. Вдоль улиц цитадели по дороге, ведущей от дворца к храму, выстроились гости, приготовившие цветы и рисовые зерна, чтобы осыпать ими молодую чету. По традиции, Ашура должен был прилюдно проехать к храму на своем коне, украшенном пышным султаном. Шитый золотом кафтан был перепоясан кушаком так туго, что принцу нелегко было дышать. На перевязи висел меч в красивых кожаных ножнах, испещренных символами защиты и благородства.

Принц, гарцуя на своем скакуне, приближался к храму, где его ждали Девдас, Падаси, Дурга и высшие чины хостинпурской иерархии. Дурга, не стирая с лица благосклонной улыбки, время от времени с беспокойством бросала взгляды на царя, но тот, выученный за долгие годы делать хорошее лицо при плохой игре даже в буквальном смысле, казался совершенно здоровым. Девдас, не одобрявший свадьбу, и тот сумел взять себя в руки, держал себя соответственно торжеству и намеревался выполнить обряд в полном соответствии с традицией.

Солнце стало припекать, но собравшихся вы-

ручил легкий ветерок, шедший со стороны реки. Он тихонько играл одеждами из ярких, но легких тканей, в которые нарядились царь и его приближенные. За принцем, отставая на два лошадиных корпуса, следовала его свита, товарищи по охотничьим и воинским забавам.

Среди почетных гостей Ашура увидел царя Ахора Джугу, который за два дня успел побывать в каждом закоулке цитадели. Джуга был едва ли старше принца, но хитрость и злость, запечатлевшиеся на лице, старили его, таясь в ранних поперечных морщинах, уже бороздивших лоб, в глубине темно-карих глаз, в недоброй усмешке, в которую часто растягивались тонкие губы, в превосходстве, с которым он смотрел на окружающих. Не нужно быть провидцем, чтобы понять — Джуга изучал крепость, в которую намеревался когда-нибудь войти не другом, но врагом. Падаси докладывали о каждом шаге Джуги, но царь Хостинпура не беспокоился, поскольку был уверен в непреступности цитадели.

Принц не спешил, считалось, что путь к храму должен быть пройден степенно. Невеста же совершала путь к храму самостоятельно и по другой дороге в сопровождении лишь ближайших подруг и служанок. Вдоль ее пути стояли воины, призванные охранять особу княжеской крови. Но в силу традиции считалось, что девушка может отказаться выходить замуж. Отсутствие толпы зрителей указывало на ее свободный выбор.

Когда Ашура оказался возле храма, его появление было встречено ликованием. Музыканты заиграли торжественный мотив. Замелькали кисти и пальцы музыкантов, игравших на барабанах, обтянутых кожей или пергаментом, зазвенели струны вин и саранги, флейты вели мелодию свадебного гимна. Принц легко соскочил с коня и преклонил колено перед родителями и верховным жрецом. До того как предстать перед их лицами с невестой, юноша должен был получить прилюдное благословение на брак.

Падаси, воздев руки, возложил их на голову принца и произнес освященную столетиями формулу:

— Сын мой, будь достойным мужем под защитой Идры и по моему благословию!

Царь, которого одолевала слабость, слегка покачнулся. Его незаметно поддержала Дурга,

шагнувшая вслед. Когда царь справился с приступом слабости, его жена также возложила руки на голову сына и произнесла те же слова, поцеловав Ашуру в лоб.

В это время с левой стороны к храму приближалась Девика. Теперь наступала ее очередь. Ашура должен был взять ее за руку и представить родителям. Девдас уже готовился ввести молодых в храм, но тут произошло неожиданное.

В цитадели, переполненной людьми, было много вооруженных воинов. Некоторые отряды несли охрану, другие готовились к праздничному шествию. Перемещения отрядов, происходившие за спинами гостей, не вызывали беспокойства, поскольку никто не ожидал, что в самом сердце Хостинпура, в городской цитадели, может произойти нечто, не предусмотренное обрядом.

Девика уже стояла в трех шагах от Ашуры, когда неожиданно из-за угла выскочили всадники, направившие коней прямо к ней. Первый всадник, оказавшийся рядом с невестой, наклонился, схватил ее одной рукой, перекинул через коня и помчался к северным воротам. Другой отряд воинов в таких же коричнево-серых одеждах уже был около ворот. Охрана ворот была смята в две секунды. Когда всадник, державший кричавшую Девиду, оказался возле ворот, путь уже был свободен.

Воины выскользнули за ворота и помчались прочь, увозя невесту принца в неизвестном направлении.

Что тут началось! Резко оборвалась музыка. Послышались вопли удивления и ужаса. Всадники внесли смятение среди тех, кто собрался в этот час перед храмом. Большинство бесполо-

во бросались из стороны в сторону, увеличивая сумятицу. Дамаянти бросилась спасать воспитанницу, но один из всадников хлестнул ее плеткой и пинком откинул в сторону. Зажимая рану на лице, она билась в слезах на мостовой, испуская душераздирающие крики.

Падаси, увидев происходящее, даже не сделал попытку предотвратить похищение. Решение праздновать свадьбу было продиктовано необходимостью, но беспокойство все же поселилось в душе после того, как Девдас рассказал о предсказании бахмачари. Царь был болен, и в момент, когда он понял, что все его планы пошли прахом, что вместо демонстрации процвета-

ния и мощи Хостинпура его страну покрыл позор, Падаси едва не потерял сознание, рухнув на вовремя подставленные руки Дурги.

Девдас упал на колени, закрыл лицо руками и раскачивался из стороны в сторону. Все его молитвы оказались напрасными, Идра не обратил на них милостивого взгляда.

Со злобной радостью за происходящим наблюдал молодой царь Ахора. Ноздри Джуги хищно раздувались, он неосознанно повторил движения всадников, поражавших своими длинными мечами стражников у входа. Казалось, Джуга сам был готов оказаться на их месте, чтобы унижить государство, которому вынуждена была покоряться его родина.

Одним из первых пришел в себя Дараям. Он быстро подвел коня Ашуры к его хозяину. Принц вскочил в седло, за ним в седла вскочили спешившиеся товарищи. С трудом пробравшись сквозь огромную толпу людей в цитадели и за ее стенами, они помчались по той же дороге, на которой так недавно повстречали бахмачари.

Дорога была пустынной, все, кто мог ходить и находился в этот день в столице, собрались у стен крепости. Принц и его товарищи были прекрасными наездниками, не раз выигрывавшими призы на скачках. Но, судя по всему, и похитители не были новичками в верховой езде. Даже пыль, поднятая копытами их коней, успела осесть, пока Ашура со спутниками пробивались сквозь толпу у стен крепости.

Через продолжительное время бешеной скачки принц увидел, что настигает растянувшийся отряд врагов. Однако он не был готов к тому, что произошло.

Последний из коричнево-серых всадников, слышавший топот коня принца, вдруг обернулся и, увидев, что погоня близка, вытащил из седельной сумки горсть семян. Повернувшись в седле, он бросил эту горсть чуть ли не в лицо Ашуре, и принц почувствовал, как жалящие иглы впились в его щеки. Он успел закрыть глаза, и странные длинные семена с острыми концами с обеих сторон впились в кожу.

Семена, встречая препятствие, разлетались на десятки таких же семян, вскоре они заполнили всю дорогу, превратившись в жалящее облако. Впиваясь в кожу, они причиняли боль не только людям, но и лошадям, лезли в глаза и уши. Конь принца закружился на месте, мотая головой, стараясь избавиться от незнакомой напасти.

Принц, стараясь удержать скакуна, увидел, что и его товарищи так же мучаются. Их кони, не обращая внимания на шпоры и удары плетей, смешались, образовав на дороге какой-то шевелящийся клубок. Ничто не могло спасти от жалящих семян.

Ашура в бессильной ярости закричал, но в этот момент семена исчезли, будто их никогда и не было. Также пропала боль, причиненная ими.

— Колдовство пропало! — прокричал поравнявшийся с принцем Дараям, давая шпоры своему коню.

Ашура, не задавая вопросов, вновь пустился в погоню, за ним поспешили и другие всадники.

Принц не знал, сколько времени прошло, когда он снова увидел впереди похитителей. И так же как в прошлый раз, слышав погоню, обернулся всадник, скакавший последним.

Дорогу в этом месте пересекал маленький ру-

чей, на который никто из похитителей не обратил внимания. Их кони легко перескакивали препятствие. Всадник вытащил из седельной сумы флягу, на скаку открыл ее и плеснул содержимое в ручей. Он едва и сам успел спастись, когда ручей вдруг резко разлился, омочив волной копыта его коня. Перед принцем мгновенно выросла широкая мутная река, которую конь не мог перескочить. Принц поднял коня на дыбы, ему показалось, что ручей стал не только шире, но и глубже, и, сделав конь еще шаг, принц окажется по горло в воде.

Товарищи принца последовали его примеру, остановившись у воды. Они с тоской в глазах проводили удиравших похитителей. Дараям, отставший от их группы, догнал их. Издалека увидев реку, он прокричал что-то, но Ашура не сумел разобрать слов. Дараям, в отличие от остальных, пришпорил лошадь, и всадники увидели, как он понесся прямо в воду. Но, странное дело, копыта его коня не проваливались вопреки ожиданиям, а отталкивались от воды, будто от земли. Поняв, что ручей — лишь мираж, Ашура последовал за Дараямом.

Когда они стали настигать похитителей опять, последний всадник выстроил еще одно препятствие. На этот раз из сумы был извлечен камень, который, ударившись о землю, превратился в огромную стену, сложенную из гигантских булыжников. Стена производила впечатление совершенно реальной. Меж булыжниками кое-где виднелась даже трава, уцепившаяся цепкими корнями за горстки земли. Увидев эту стену, можно было подумать, что она возведена столетия назад.

Дараям вновь попытался первым преодолеть препятствие, но его конь, испугавшись стены, поднялся на дыбы и сбросил всадника на землю. Догонявший его Ашура к тому времени успел на скаку вытащить меч и ослабить мешавший кушак. Теперь принц разматал кушак полностью и накинуд на глаза своего коня. Конь, не видя препятствия, легко пронесся сквозь стену, оказавшуюся таким же миражом, как прежде ручей. Принц, ожидавший ощутить хоть что-либо в момент прохождения стены, ничего не почувствовал. Обернувшись, он увидел, что его товарищи также успешно преодолевают препятствие. Странно было видеть, как прямо из камня появляются воины. Принц заметил

Дараяма, которому падение не причинило видимого вреда, и пустился догонять невесту.

Но ему не суждено было увидеть Девуку и наказать похитителей. Дорога круто поворачивала вправо. Сразу за поворотом принц увидел сотню шедших ему навстречу бахмачари. Все они были одеты в рваные одежды, все были на одно лицо. Ашура узнал сбитого им с ног старца. Все старики с точностью повторяли движения друг друга, шагая, будто кто-то невидимый задавал им ритм.

Разумом принц понимал, что перед ним видение, скорее всего, такое же эфемерное, как ручей и стена, но не мог преодолеть себя и проскакать сквозь толпу бахмачари. Вдали на дороге раздался хохот, это смеялись те, кто лишил его невесты.

Принц опустил голову. Соскочив с коня, он бросился в толпу бахмачари, сначала пытаясь обходить их, но потом понял, что, касаясь встречных старцев, просто рассекает воздух. Их лица ничего не выражали, старцы были призраками. Товарищи принца также соскочили с коней и повели их в поводу, пока не миновали призрачную группу.

Обернувшись, Ашура увидел, как бахмачари растаяли, будто фантомы. Дорога позади всадников была пуста. Принц вскочил на коня, но тот зашатался под его тяжестью. Принц едва успел соскочить, захрипевший конь мог бы уронить его на землю.

Принц посмотрел вокруг, желая выбрать самого сильного коня из оставшихся. Дараям подошел к нему:

— Принц, мы не настигнем их.

— Почему? — спросил Ашура. — Их кони тоже должны устать.

— Нет, — покачал головой Дараям. — Возможно, на их коней наложено магическое заклинание, увеличивающее их силу. Мы оставили на дороге уже не меньше семи коней, твой тоже не может продолжать скачку, но не увидел ни одного скакуна похитителей.

Ашура стоял, опустив глаза.

— Я должен спасти Девуку! — упрямо сказал он.

— Конечно, — согласился Дараям. — Но для этого надо узнать, где она, кто и зачем ее похитил, люди это или демоны. Если захочешь, мы вместе отправимся на поиски.

Принц, казалось, не слышал этих слов. Он подошел к одному из товарищей, державшему коня под уздцы. Тот без слов уступил скакуна принцу.

Ашура вскочил в седло и дал коню шпоры. Но едва оставшиеся всадники успели сесть в седла, как увидели, что у коня принца, успевшего ускакать весьма недалеко, подкосились ноги. Принц вылетел из седла и остался лежать на дороге.

Дараям подбежал и склонился над ним. Принц потерял сознание.

Тяжелые свинцовые тучи закрывали небо над Ахором, они грозили пролиться ливнем, но пока лишь набухали, словно бычьи пузыри, в ожидании минуты, когда их бока прорвутся и потоки воды устремятся на замерший в душном ожидании город.

Первый визирь, поджарый пожилой Шанги, сидел один в своем кабинете, пытаясь сосредоточиться на цифрах доклада, предоставленного накануне его посланцем. Доклад отражал положение дел в армии, которая подспудно и негласно создавалась на юге страны. На юге строились дороги, конюшни, военные склады, но все это приходилось маскировать под крестьянские постройки. Шанги давно занимался этими вопросами, стараясь все делать очень осторожно. Еще царь Баг Атем, неожиданно скончавшийся несколько месяцев назад, начал кропотливо готовиться к возможной войне. Он решил на это, идя на поводу у горячих голов, стремившихся к завоеваниям. Баг Атем не спешил, считая, что Ахору еще много лет нужно будет постепенно наращивать военную мощь. Вообще обходиться без войска было невозможно. В Оллии, граничившей с Ахором на юге, было неспокойно. Царю нужна была армия, чтобы в крайнем случае суметь защититься. Конечно, предполагалось, что защиту Ахора в случае нужды возьмет на себя Падаси с хостинпурской армией, но Баг Атем понимал, что тогда его царство превратится в арену борьбы между двумя соседними государствами, а значит, будет вытоптано и ограблено сразу двумя армиями.

Баг Атому удавалось сдерживать противоречивые устремления советников, но сейчас положение изменилось. Шанги, угадывая воин-

ственные настроения молодого Джуги, постарался представить дело так, что войско в достаточной мере подготовлено, однако нужно еще время на его обучение. Джуга разозлился и обрушил на лысеющую голову первого визиря поток ругательств, обвинив того в затягивании важнейшего дела. Второй визирь Магам частенько беседовал с царем наедине и, как докладывали шпионы первому визирю, вливал тому в уши сладкие сказки о военных победах.

Шанги оторвался от цифр, которые понравились бы молодому царю, но беспокоили самого старика. Армия росла так быстро, что скоро ее наличие невозможно будет скрывать. Значит, необходимо было думать об укреплении северных границ. А как их укрепишь, если крепости скрыты, если Хостинпур игнорирует то, что делается на юге Ахора, но зорко следит за своей южной границей!

С другой стороны, выхода не было. Государство полным ходом шло к войне. Если в Хостинпуре перестанут терпеть усиление Ахора, нужно ожидать прибытия вражеских войск. На кого тогда надеяться?

До Шанги дошли слухи, что Магам советовал царю отказаться от поклонения Идре и призвать на помощь демонов. Судя по всему, Джуга загорелся этой мыслью. В последний раз, когда царь посещал храм Идры, первый визирь обратил внимание на его вызывающее поведение. Но говорить что-либо царю по этому поводу не стал, поскольку не видел смысла. Сам же он считал эту мысль чрезвычайно опасной. Демоны имеют весьма самостоятельный характер и испытывают ненависть к людям независимо от их государственной принадлежности. Раксасу все равно, кого жрать, хостинпурца или ахорца, лишь бы принести побольше вреда людям. Магам не понимает, что творит!

Шанги подумал, что сейчас самое лучшее время, чтобы поговорить с ним начистоту. Царь отсутствует, значит, Магам не сможет пожаловаться Джуге сразу, и, может быть, первому визирю удастся переубедить неразумного сановника. Он поднялся, твердой, несмотря на возраст, походкой подошел к двери и кликнул слугу.

— Пригласи ко мне второго визиря!

Слуга поклонился и поспешил к покоям Магама.

В это время второй визирь удалился в самую дальнюю из своих комнат, запретив кому-либо из слуг его беспокоить. Комната была наполнена дымом из курильницы, в которую Магам бросал кусочки сухих корешков, сыпал истертые в порошок травы. Дым окутывал голову Магама, его толстое обрюзгшее лицо, жирные волосы, черную бороду, заплетенную в косицу.

В комнате стоял резкий запах, но Магам не обращал на это внимания. Он произносил заклинания, держа над курильницей блестящий металлический поднос. Второй визирь держал его под углом, так, чтобы дым, поднимаясь, касался поверхности подноса, но при этом можно было видеть саму поверхность.

Постепенно на полированной зеркальной поверхности подноса Магам увидел множество людей, храм Идры, у входа которого стояли царь Хостинпура и его приближенные. Магам чуть повернул поднос, чтобы изменить угол зрения. Среди людей он увидел царя Джугу, презрительно смотревшего в сторону Падаси. Лицо царя заслонило лошадиный бок. Приподняв поднос, Магам разглядел Ашуру, подъезжавшего к храму. Еще раз изменив угол зрения, визирь увидел и Девуку. Магам судорожно сглотнул, поняв, что девушка, однажды отвергшая его притязания, сейчас станет женой другого человека.

Магам больше не мог шептать заклинания. Не в силах справиться с собой, он зашептал:

— Ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь...

Изображение начало таять, затягиваться серой дымкой. Визирь попытался взять себя в руки, снова зашептал слова заклинания, но в этот момент услышал, как его позвал слуга. От неожиданности Магам уронил поднос на курильницу и злобно обернулся.

Из соседней комнаты донесся голос:

— Ваша мудрость! Ваша мудрость! Вас желает видеть его мудрость Шанги!

Усилием воли Магам стер с лица злобную гримасу:

— Передай его мудрости, я прибуду сейчас же.

Слуга поспешно удалился.

Магам вернулся в комнату, где только что творил заклинания, и взял из шкатулок, стоящих на столе, крупные крупички вещества, напоминающего соль. Губы второго визиря складываются в ухмылку. Он видел достаточно, он видел

взгляды, которые Джуга бросал на хостинпурцев. Молодой царь не расстроится, если его слишком осторожный первый визирь освобождает свое место.

...Второй визирь находился в покоях Шанги всего несколько минут. Слуги были предупреждены, что разговору мешать не следует. Они стояли у входа в покои, ожидая, когда Шанги призовет их, когда услышали вопли Магама:

— Скорее, скорее! Первому визирю плохо!

Слуги, толкая друг друга, вбежали в комнату первого визиря и остановились, пораженные увиденным. Первый визирь, скрючившись, лежал на полу, а над его телом склонился Магам. Лицо второго визиря выражало скорбь.

Магам взглянул в стекленеющие глаза Шанги и прошептал:

— Ваше место теперь станет моим, ваша мудрость!

Но слова эти были произнесены так тихо, что никто из слуг их не услышал.

Вскоре по дворцу суетливо забегали слуги. Царские лекари, похватав свои склянки и инструменты, подобрав халаты, мчались в покои первого визиря. Магам в очередной раз рассказывал свою историю:

— Его мудрость отдавал мне свои распоряжения, как вдруг замолк, будто пронзенный стрелой, схватился за сердце и упал! Я бросился к нему, но было поздно. О, видно сердце этого великого человека не выдержало постоянной заботы о благе Ахора! Мы его потеряли! Нет больше величайшего из мудрецов, нет больше Шанги, он покинул нас!

Вопли Магама усиливались плачем и стенаниями слуг и лекарей. Когда в покои сбежалось три десятка человек, Магам решил, что его дело сделано. Рыдая, он покинул комнату и направился к себе. Шаги его были неверны, руками он прикрывал лицо, будто пытаясь унять рыдания, сотрясавшие тело.

В этот момент он почувствовал жжение под кольцом, украшавшем мизинец визиря. Магам резко ускорил шаги. Он получил вызов, которому обязан был подчиниться. Сборы были недолгими. Поручив заботы о похоронах Шанги другим визирям и слугам, Магам отправился в путь, сообщив, что обязан выполнить последние распоряжения почившего первого визиря.

Он отказался от сопровождения, сказав, что это путешествие будет недолгим и совершится без помпезности в знак скорби о потере, которую понес Ахор.

Магам был озабочен. Он боялся, что его внезапный отъезд дурно истолкуют, но не явиться к человеку, пославшему тайный знак, не мог. Иначе жжение, пока легко ощущавшееся под кольцом, охватит весь палец, затем кисть, всю руку целиком и визирь сгорит изнутри в жестоких мучениях, хотя ни один лекарь, ни один знахарь не сумеют определить, отчего же он умер. Снять кольцо тоже было невозможно. Некогда надетое в юные годы с его добровольного согласия, теперь оно делало Магама в определенном смысле рабом.

Визиря утешало только то, что этот вызов мог быть послан лишь в случае, когда можно было жертвовать всем ради того, что ожидало его впереди.

Магам лишь успел отправить гонцов к Джуге с сообщением о внезапной смерти первого визиря. Дорога вела его на юг, в дебри Олли, подступавшие вплотную к скалам.

Глава седьмая

Нерадостным было возвращение принца и его товарищей после погони, не увенчавшейся успехом. На без того смуглое лицо Ашурь, едва пришедшего в себя, легла черная тень. Глядя на него, можно было сразу понять, что принца постигло тяжкое горе, мрачные мысли наполнили голову.

Гости еще не разъезжались, как прежде наполняя дворец, только теперь предвкушение праздника сменилось тягостным ожиданием. Но далеко не все переживали за принца. Были и такие, кто ждал вестей со злорадством. Царь Ахора Джуга даже не скрывал этого, кривил рот в ухмылке, когда думал о горе, постигшем Хостинпур. Каждый удар по Хостинпуру был на руку Ахору, в этом Джуга был твердо убежден.

Когда дозорные на башнях завидели принца и Дараяма, они тут же сообщили об этом Дурге.

— Девики с ними нет? — спросила царица, хотя и сама знала ответ.

Воин, сообщивший новость, грустно покачал головой.

Дурга дождалась, когда сын показался у дворца, и спустилась к нему навстречу.

— Эти люди больше похожи на демонов, — сказал Дараям. — Мы почти настигли их, но они применили колдовство, которое не позволило продолжать погоню.

Дурга обняла сына.

— Что же теперь будет? — прошептала она. Этот вопрос выражал растерянность, которая овладела многими хостинпурцами.

Новость о возвращении принца быстро облетела дворец и город, и люди повторяли вслед за царицей: «Что же теперь будет?»

— Посоветуемся с Девдасом, — ответил Дараям.

Дараям оставил коней на попечение слуг и пошел к храму, вокруг которого, как и прежде, толпился народ. У храмовой арки, куда вход ему был заказан, он попросил одного из жрецов сообщить Девдасу о том, что они вернулись одни. Через некоторое время Девдас вышел, и вместе с учеником они зашагали в царский дворец.

Люди молча расступались перед ними. Девдас завел ученика в одну из комнат дворца, вышколенный слуга, находившийся там, тут же покинул помещение.

— Рассказывай! — распорядился верховный жрец.

Узнав о подробностях бешеной скачки, Девдас спросил:

— Как ты считаешь, это дело рук Черного Палача?

Дараям пожал плечами:

— Не мне судить об этом, учитель. Но то, что я знаю по вашим рассказам о Черном Палаче, вряд ли подтверждает это предположение. Палачу нужны людские жизни, но не одна, а тысячи. Ими он кормит своих демонов. Зачем ему одна Девика? Скорее, если бы Палач был в полной силе, он поубивал бы всех, кто собрался здесь.

— А если он не в полной силе? Если ему нужно время после столетий бездействия?

— Если он слаб, то как он может распоряжаться минимум отрядом всадников? Боюсь, что мы можем только гадать, кто отправил похитителей.

Девдас согласился:

— Да, только гадать. Может быть, это Джуга?

— Вряд ли. Если бы серо-коричневым всадникам не удалось схватить принцессу Девиду,

Джуга мог попасть в наши руки. Ведь здесь его сопровождает очень небольшое количество воинов, у него не было бы шанса спастись.

— Тогда кто?

— Учитель, об этом надо спрашивать не меня. Я могу сказать только то, что хозяин всадников, если у них есть хозяин, владеет магией. Благодаря магическим заклинаниям и веществам нас останавливали жалеющие семена, ручей превращался в широкую реку, дорогу преграждала стена. Я уверен, что и на коней похитителей было наложено заклинание, позволявшее им скакать без усталости.

— Это не самые сложные заклинания, — задумчиво проговорил верховный жрец. — В дни, когда я был молод, их умел накладывать любой опытный деревенский колдун. Эти колдуны могли ненадолго сотворить защиту от дождя, могли поставить стену у селения в случае необходимости, но так же на короткий срок, могли наказывать жалеющими семенами воришек, которые тогда еще не повывелись в Хостинпуре. После того как был восстановлен культ Идры, нам пришлось вести борьбу с этими колдунами. Все дело в том, что любое колдовство изменяет природу мира. Его проявление говорит о том, что человек в своих интересах пытается устроить свои дела и отказывается принять волю богов. Боги отворачиваются от таких людей. Зато к ним спешат демоны. На краткий отрезок времени можно получить то, что ты хочешь, но за это придется в будущем платить несчастьями. Человек, обращающийся к колдуну, сам выстраивает стену, отделяющую его от богов, от Идры в первую очередь.

— Учитель, ты хочешь сказать, что в Хостинпуре остались такие колдуны?

— Помимо Хостинпура, есть Ахор, за ним — Оллия. В Ахоре официально поклоняются Идре, но нельзя наверняка утверждать, что где-нибудь на их территории не находится человек, знакомый с магией. Тем более, трудно быть уверенным в отсутствии магов в Оллии.

— А бахмачари сумеет почувствовать магию на таком далеком расстоянии?

— Этого я не знаю, — признал Девдас. — Но мы должны спросить, если состояние здоровья позволит ему говорить. И еще один вопрос меня мучает — почему они украли Девиду?

— Это удар по Хостинпуру, — предположил Дараям. — Возможно, кто-то в Ахоре хотел пока-

зять, что настало время изменить положение, что Хостинпура уже не представляет грозной силы.

— Возможно. И тогда Джуга хотел просто своими глазами посмотреть на то, как осуществится его замысел...

— Или не его замысел?..

Ни Девдас, ни Дараям не знали ответа на эти вопросы, как не знали его и другие жители Хостинпура.

Завершив беседу, верховный жрец направил ученика к царю Падаси, поручив передать, что сам будет пытаться узнать что-либо у бахмачари.

Когда Девдас вошел в комнату, старец лежал на кровати, закрыв глаза. Его дыхание улавливалось едва заметно. Девдас присел у постели бахмачари. Он не хотел будить старика, но понимал, что иного выхода нет. Помочь Ашуре, спасти Хостинпура способен только этот святой, больше никто не мог указать направление поисков.

Верховный жрец положил ладонь на руку святого. Тот почувствовал прикосновение и начал говорить, не открывая глаз:

— Вижу скалы, вижу колдуна, творящего магию, это он велел похитить девушку.

— Где эти скалы? — поспешно спросил Девдас, не удивившись, что бахмачари уже знает о происшествии. Этим святым боги открывали многое из того, чего никогда не суждено было узнать обычным людям. — В Хозреме? В Ахоре? В Оллии? Еще южнее?

— Это земля рядом с Ахором и Оллией, туда ведет след колдовства. Вижу море, волны, камни. Колдун хочет забрать кровь девушки.

— Зачем? Когда? — сыпал вопросами Девдас.

— Как только в его руках будут трое, — ответил бахмачари.

— Я скажу Падаси, и мы пошлем войска! — воскликнул верховный жрец. — Воины перевернут все скалы на границе Ахора и Оллии...

— Нет, — слабо возразил бахмачари. — Скалы воздвигнуты Идрой, их не перевернуть людям. Войска не помогут найти девушку. Я вижу будущее, я вижу рядом с ней ее мужа и человека, который должен был стать жрецом...

Бахмачари замолчал и открыл глаза. Девдас потряс его за руку:

— Учитель, скажите что-нибудь еще! Мужем Девики должен стать Ашура. Человек, который должен стать жрецом, — Дараям. Они должны ехать на поиски?

— Я больше ничего не смог разглядеть, — прошептал бахмачари. — Чувствую только, что кровь девушки нужна Черному Палачу.

— Так все же это он подослал похитителей? — воскликнул Девдас.

— Нет, — ответил бахмачари. — Он еще спит. Но кровь нужна ему. Не спрашивай меня больше ни о чем, я устал и не знаю ответов на твои вопросы. Все, что угодно было Идре, я тебе сказал.

Царство Оллия раскинулось на равнинах между Ахором и пустынными землями, от которых его отделяла тихоструйная Ганга, берега которой со стороны царства были покрыты высокими лесами, а со стороны пустыни были песчаными. Некогда и Хостинпура, и Ахор, и Оллия, и земли, ныне покрытые песком, а тогда наполненные жизнью, и даже южный прибрежный Лахи принадлежали одной великой империи, но эти времена давно канули в прошлое. Уже тысячи лет в столицах государств правили свои царственные династии. Если Ахор и Хостинпура постоянно то сражались друг с другом, то мирились, были связаны дорогами и торговлей, Оллия находилась в стороне от их общения. Оллия на протяжении многих лет сохраняла покой, но он был очень хрупким и мог в любой момент перейти в войну. Чего стоило, например, поддерживать хоть какой-то порядок на северо-востоке государства, где в лесах издавна поселилось многочисленное племя женщин-воительниц, называвшее себя ганги по имени реки, от берегов которой они находились довольно далеко. Считалось, что ганги появились от тех немногих женщин, которые смогли избежать когтей и зубов злобного демона Сангаджа. В племени существовала легенда, рассказывающая о чудесном спасении. Когда несколькими женщинам удалось переправиться через тихую Гангу, Сангадж гнался за ними. Демон хотел перепрыгнуть реку и настичь беглянок, но женщины, упав на колени, воззвали к богам о спасении. И боги услышали их, тихоструйная Ганга забурилась и вдруг будто поднялась на дыбы, из волн вырос сияющий воин с копьем, устремленным прямо в грудь злобного демона. Сангадж отказался от схватки, отпрыгнул от реки и ускакал в свои владения, а река вновь вошла в свои берега. Тогда спасенные женщины стали называть себя гангами в честь чудесного спасения.

ния от страшной гибели. Так ли было на самом деле, никто не знал. Но за племенем воительниц осталось это название.

Женщины не избегали общения с оллийскими мужчинами, иногда они совершали набеги на селения, лежащие неподалеку, хотя до любого из них добираться нужно было не менее трех дней, а то и больше. Ганги не терпели сопротивления, жестоко расправляясь с теми, кто мог его оказывать. Если встречи проходили мирно и требования лесных воительниц удовлетворялись без споров, жители селения оставались живы. Если же оказывалось сопротивление, то ганги старались сохранить в живых только самых сильных, самых ловких противников. И то на время.

После того как воительницы проводили ночь с оллийскими мужчинами, племя ганг пополнялось. Девочек воспитывали они сами, мальчиков подбрасывали в те же селения, где жили их отцы.

Много раз правители Оллии пытались уничтожить это племя, воспринимая его как нарыв на теле государства, но их усилия не увенчались успехом. Женщины чувствовали себя в густых лесах дома, условия войны на деревьях им были привычны, и отряды царей Оллии только теряли своих воинов.

Но сейчас не ганги представляли главную опасность для Оллии. Страна находилась в состоянии гражданской войны. После смерти царя Пала престол унаследовал его сын Синта, но брат умершего царя Банга не пожелал подчиниться племяннику. И в день, когда в славном Хостинпуре должна была состояться свадьба Ашуры и Девики, в столице Оллии происходило другое торжество.

На огромной утоптанной площади перед царским дворцом был воздвигнут алтарь с изображением скалящихся демонов. Банга одержал победу в кровопролитной схватке с войсками молодого царя и теперь намеревался водрузить на себя корону. Синту же ждал огонь жертвенного костра.

Не прошло и года после смерти Пала, как Банга, удалившийся из столицы в свои владения, собрал в них всех мужчин, способных носить оружие, и двинул войско на столичный город. Синта не ожидал измены и не был готов к войне. Его военачальники, служившие еще Палу, знали Бангу как смелого и опытного во-

ина, и некоторые из них подумали, что он будет не худшим царем. В царской армии начался разброд. Основная часть войска готова была защищать законного владыку, но были и те, кто не хотел терять жизнь в этой битве, не видя для себя разницы в том, кто будет царствовать в Оллии.

Синта не сумел выиграть сражения, среди его военачальников нашлись предатели, которые, подстроив ловушку царю, привели его прямо в руки Банги.

Тем, кто это сделал, уже пришлось горько пожалеть о своем поступке. Ведь никто из них не догадывался, что Банга служит темным демонам, а не светлым богам. Демоны же нуждаются в одном приношении — в человеческих жизнях. Казни начались сразу после того, как Банга стал хозяином царского дворца. Немало придворных, служивших Синте, уже пролили свою кровь на камни темниц, куда они были отправлены. Погибли и многие из предателей, выдавших Синту.

Весть о казнях быстро разнеслась по Оллии, люди стали бояться за свои жизни. Они поняли, что царством завладел злой человек. В селениях страны стали возводиться алтари, посвященные демонам. Такой алтарь был возведен на главной площади столицы.

Первой жертвой, которую Банга хотел принести на нем, должен был стать свергнутый царь Синта, до той поры сидевший на цепи в темнице.

...Сквозь узкое окошко Синта видел кусок ласкового голубого неба, молодой царь слышал звуки труб, сзывавшие народ на площадь. Тяжелая дверь отворилась, и в темницу вошли стражник и слуга, который должен был спилить оковы.

— Что там происходит? — спросил Синта.

Стражник отвел глаза, слуга ответил:

— Готовятся к коронации нового царя.

— Значит, я уже не царь Оллии? — грустно улыбнулся Синта.

Стражник кашлянул и, переглянувшись со слугой, опустил на корточки и зашептал:

— Вас хотят казнить. Банга велел поставить алтарь для демонов, и первым на нем должны погибнуть вы. Но вы должны знать, что не все люди в Оллии хотят служить Банге.

Слуга тем временем снял оковы с царя. Стражник продолжал:

— Мне велено связать вас, но смотрите, узел

будет простым. Старайтесь идти так, чтобы веревка, на которой вас поведут, провисала, потому что стоит потянуть за нее, узел развяжется!

Синта оживился и внимательно посмотрел на стражника:

– Спасибо, друг! – сказал он.

– Рано благодарить, – возразил стражник, достал из складок одежды кинжал в кожаных ножнах и протянул царю.

Трубы на площади издали резкий звук.

– Пора! Да поможет вам Идра!

Народ, собравшийся на площади, встретил царя скорбным молчанием. На балконе дворца, выходящем на площадь, был установлен трон, на котором восседал Банга. Глядя в молчаливую толпу оллийцев, он тихо сказал:

– Ничего, я еще услышу ваши крики, когда вы сами будете корчиться в жертвенных кострах.

Советник, слышавший эти слова, испуганно побледнел. Только страх за свою жизнь

заставлял его служить узурпатору.

Повинуясь знаку, поданному Бангой, вперед выступил один из придворных. Зычным голосом он прокричал:

– Жители славной Оллии! Сейчас произойдет предначертанное событие! Милостивый Банга будет коронован, а нечестивый Синта, обманом занимавший трон, простится со своей никчемной жизнью! Ликуйте, жители Оллии!

Тяжелое молчание висело над площадью. Но Банга не отступал от принятого решения. Он сошел с трона, к нему приблизился советник с короной в руках. Банга наклонил голову, и советник поднял дрожащие руки.

– Не урони корону, дурак! – злобно про-

шептал Банга, но это только еще больше испугало советника. Золотой обруч едва не выскользнул из его пальцев.

Банга резко наклонился, чтобы головой поймать корону, если она упадет, и это спасло его от неминуемой гибели. Длинная стрела пронеслась над его головой и вонзилась в горло одного из придворных, немедленно рухнувшего на камни балкона. Вторая стрела вонзилась в руку советника, и золотой обруч, и без того слабо удерживаемый, коснулся головы Банги, но, не удержавшись на ней, упал и со звоном покатился к краю балкона.

Ни один из приближенных Банги не бросился за короной, все стремились спасти свои жизни, кинувшись в спасительные покои царского

дворца. Сам Банга упал на камни, прикрывая руками голову. При этом он яростно кричал:

– Я царь Оллии! Корона коснулась моей головы! Скорее зажигайте костер!

Но костер не пылал. Царь Синта был возведен

на алтарь, однако воин, державший факел в руке, не спешил зажечь костер.

– Скорее, царь! – услышал Синта голос из толпы. Он отпрыгнул в сторону, отчего натянулась и развязалась веревка, которой царь был связан.

Воплем ликования ответили на это жители Оллии, стоявшие на площади. Воины, окружавшие костер, были растеряны, но, повинуясь грозному окрику своего начальника, они направили копья на толпу. Увидев, что царь спрыгнул с алтаря, воин, державший факел, поднес его к дровам, и на алтаре запылал костер, скрывший от глаз Банги то, что происходило на площади.

Синта, оттолкнув двух копейщиков, стоявших к нему спиной, быстрее оленя понесся через расступавшуюся толпу. Люди, мимо которых он пробежал, хлопали в ладоши и улыбались. Кто-то из воинов попытался преследовать его, но был смят людьми, желавшими спасти молодого царя.

Там, где начинались дома горожан, Синту ждали два воина с оседланными лошадьми. Завидев бегущего юношу, они вскочили в седла. Синта, подбежав к ним, вскочил на выносливого серого конька, и отряд помчался по городским улицам прочь из столицы.

Банга, потрясая кулаками, смотрел с балкона на то, как отправленные им воины теснят разбегавшуюся толпу, и думал о страшной мести, которой он намеревался отплатить жителям Олли. Неожиданно перстень на его мизинце будто бы стал нагреваться. Почувствовав жжение, Банга понял, что ему придется оставить страну.

Жизненные силы Баг Атема таяли с каждым часом. Бальзам, наложенный Юлией, оказывал благотворное действие, но ненадолго. Даже язва, натертая железным кольцом на ноге, заживленная было волшебным снадобьем, снова открылась, стоило сделать несколько шагов.

Сырой воздух подземелья был слишком тяжелым для дыхания. У Баг Атема началась кашель, приходивший изматывающими приступами. Когда он болезненно сжимался от кашля, разрывавшего грудь, ему казалось, что конец близок.

Кашель утихал, и обессилевший Баг Атем проваливался в дремоту. В этом состоянии ему казалось, что в углах темной камеры появляются тени демонов, тянущих когтистые лапы к царю. Он вскрикивал, открывал глаза, до боли всматривался в темноту, но это не помогало. Когда Баг Атем смотрел в один угол, тени таились в другом, стоило перевести взгляд, таинственным образом перемещались и тени.

Царь пробовал молиться, призывая Идру и других богов себе на помощь, просил утешения, но молитва не шла, разум затуманивался, в голове появлялись картины прошлой жизни царя. Вспоминались люди, которые потеряли жизни по царскому приказу. Тогда, когда осуществлялись казни, хоть и не так уж

много их было в царствование Баг Атема, царю казалось, что его приговоры были оправданны. Жизни теряли преступники, сами убивавшие людей. Сейчас Баг Атем начинал задумываться о том, что толкало людей на преступления. Ему пришла в голову мысль, что ни один человек, в том числе и царь, не вправе отнимать жизни у другого. Хотя бы потому, что положение может измениться, боги перевернут песочные часы, и тот, кто осуждал, сам станет осужденным, а тот, кто казнил, сам будет казнен.

Царь не знал, много ли времени прошло, пока он боролся со сном и слабостью, когда слышались легкие шаги. Стены коридора за дверной решеткой закачались в желтом свете факела.

Чем ближе был источник света, тем сильнее болели глаза Баг Атема. Наконец, когда человек, несущий факел, оказался у решетки, свет стал совершенно невыносим, будто кто-то полоснул острым лезвием по глазам узника.

Со звоном открылся замок, царь узнал вошедшую девушку по шагам.

— Это ты, Юлия?

— Да, я вновь смогла вас навестить.

Царь облегченно вздохнул, но тут же схватился за грудь, разрываемую очередным приступом кашля. Юлия укрепила факел во вмурованном в стену кольце, к которому крепились цепь, державшая царя. Девушка присела рядом с мучившимся узником, положила руку на его спутанные седые волосы, и царю показалось, что это прикосновение уже само по себе несет исцеление.

Приступ кашля затих. Девушка протянула царю небольшой кувшинчик:

— Выпейте это! Отвар поддержит ваши силы.

— Юлия, я не знаю, как благодарить тебя за заботу, — сказал царь. Девушка пыталась перебить его, но Баг Атем остановил ее. — Ты подвергаешь опасности свою жизнь ради моей, а мне моя жизнь уже не нужна. Конечно, страшно погибнуть, будучи съеденным крысами в этой темнице, но я уже готов перенести любые муки, лишь бы скорее прекратить земное существование. Не возражай мне, я знаю, что говорю. Я слаб, и эта болезнь уже не пройдет. Твои бальзамы и мази делают свое дело, но они лишь продлевают мои муки. Мне трудно

это говорить, но я хочу, чтобы ты больше не приходила.

Царю было очень тяжело произносить эти слова, он боялся не увидеть больше девушку, благодаря заботам которой еще оставался жить. Но он знал, что долго не продержится, и не хотел, чтобы добрая красавица пострадала ради него.

По лицу царя полились слезы, Юлия вытирала их своими ладонями и не хотела оставить старика.

— Я же не смогу спокойно жить во дворце, зная, что вы умираете в темнице, — ответила Юлия и сама заплакала.

Баг Атем хотел прогнать девушку, но не мог найти сил, чтобы сделать это. Он позволил себе еще несколько минут насладиться последней человеческой лаской.

Голос, прозвучавший за решеткой, заставил их обоих вздрогнуть:

— Так, так, так! Какая умилительная сцена!

Кнохт отворил решетку и вошел в темницу.

— Я сам чуть не расплакался, глядя на вас! — заявил хозяин замка, но глаза его были при этом холодны. Алмазы, украшавшие ножны кинжалов, и медальон, висевший на шее колдуна, зловеще сверкнули в свете факела.

Юлия испуганно вскочила и отбежала в угол, оттуда глядя на низенького человека в черной одежде. Баг Атем спросил:

— Зачем ты пришел, мучитель?

Кнохт рассмеялся:

— Представь себе, чтобы облегчить твои страдания! По крайней мере, на время.

— Ты хочешь отпустить меня? — спросил Баг Атем, сам не веря этому.

Колдун закивал головой:

— В каком-то смысле да, но не сразу! — он растянул губы в улыбке. — Сначала вашему величеству нужно набраться сил. Не так ли? Будет обидно, если ты отдашь концы до того, как я... отпущу тебя.

Баг Атем чувствовал подвох в словах колдуна и молчал, ожидая продолжения.

— Но сначала я бы хотел разобраться с изменой в моем замке! — заявил Кнохт и посмотрел в угол, где стояла Юлия. — Девчонка, спасенная мною от смерти, так ты отвечаешь на мою доброту? Разве я велел тебе приходиться в темницу? Может, ты останешься здесь, прикован-

ная к сырой стене, раз сама решила прийти сюда?

— Сжальтесь, господин, — прошептала Юлия.

— А почему я должен сжалиться? — спросил Кнохт. — Если я решил держать своего врага в темнице, то мои слуги не должны облегчать его страдания. Не так ли?

— Возьми лучше мою жизнь, колдун! — обратился к нему Баг Атем, надеявшийся отвести гнев волшебника от девушки.

— Хорошо-хорошо, как скажешь! — паясничая, обернулся к нему Кнохт.

— Я тебя не понимаю, — сказал Баг Атем.

— Что тут непонятно? — всплеснул руками Кнохт. — Моя служанка, девчонка, спасенная мной, позволяет себе нарушать мои распоряжения!

— Господин, вы не приказывали мне не помогать узнику, — робко возразила Юлия.

— Я не приказывал помогать ему! — оборвал ее волшебник. — За такую самодеятельность я могу тебя жестоко наказать! Хочешь превратиться в лягушку?

— Нет, господин, — прошептала девушка.

— А почему? Будешь квакать, весело скакать по коридорам... Нет, лучше я превращу тебя в змею!

Юлия упала на колени перед колдуном. Тот продолжал:

— Ой, нет! У меня есть идея получше! Я превращу тебя в крысу! Представляешь, твой старый друг останется гнить здесь и тут же поселишься ты. Сначала он будет гладить тебя и жалеть, а ты будешь жалеть его, совсем как тогда, когда я застал вас. А потом ты захочешь жрать!

— Сжальтесь, господин!

— Ты захочешь жрать и сожрешь своего друга! Вот потеха!

Кнохт схватился своими короткими ручками за колымавшийся от смеха живот. Юлия стояла на коленях, опустив голову, Баг Атем молча наблюдал за колдуном. Отсмеявшись, тот снова принял серьезный вид:

— Ладно, я еще раз докажу свою доброту! Девчонка, теперь я приказываю тебе ухаживать за нашим гостем. Его переведут в комнату с мягкой постелью, его будут кормить, чтобы он не помер какое-то время, до того как... до того, как его отпустят. Правда, чтобы он не ушел раньше времени, у дверей комнаты будет поставлена

стража. Тебе, девчонка, вменяется в обязанность холить старика. Если он умрет, я действительно превращу тебя в крысу!

— Спасибо, господин! — отозвалась Юлия.

— Так я остаюсь пленником? — спросил Баг Атем.

— Только на время, только на время, — почти пропел Кнохт. — И потом, не стоит огорчаться! Разве не приятно поменять тонкий грязный тюфяк на теплую постель, сырость подземелья на огонь в камине, темницу на приличную комнату? Надо быть благодарным судьбе!

Кнохт наставительно покачал толстым пальчиком перед лицом Баг Атема.

— Мне хотелось бы умереть дома, — проговорил Баг Атем.

— А мне хотелось бы стать господином вселенной! — отозвался колдун. — Но не все наши желания исполняются сразу! Давай будем проявлять терпение, без сомнения, это величайшая добродетель!

Кнохт высунулся в коридор и позвал стражников.

Вскоре Баг Атема, освободив от оков, перенесли в светлую комнату. Царь был так слаб, что не мог двигаться сам. От света, проникавшего в комнату через окно, у него болели глаза, и Юлия занавесила окно плотной шторой. Выглянув из окна, девушка поняла, что оно находится на большой высоте над морем. Внизу волны с ревом разбивались о скалы.

Возле дверей были поставлены стражники, без слов позволявшие девушке входить и выходить. Но Баг Атему выход был запрещен, царь оставался пленником, и только условия его содержания изменились.

Глава восьмая

Гости, надеявшиеся погулять на свадьбе принца Хостинпура, начали разъезжаться. Иные из них отпраивались по своим владениям тихо, понимая, что царской чете сейчас трудно будет смотреть людям в глаза. Падаси слег, и это не вызвало удивления, слишком велик был удар, нанесенный ему.

Наконец среди пришедших попрощаться оказался и Джуга, не скрывавший радости от того, что враждебное государство погрузилось

в траур. Падаси встретил его полулежа в постели, укрытый малиновым покрывалом с золотым шитьем.

— Позволь высказать сочувствие твоему великому горю, государь! — поклонился Джуга. — Поистине, в славный Хостинпур пришла беда, от которой он вряд ли оправится!

— Добрый сосед не станет надеяться на это! — сердито ответил Падаси. — Случались такие беды и в древности, но сильные государства, которыми управляли настоящие воины, переживали их и только укрепляли свою славу!

— Мы все молим Идру об этом, — согласился Джуга, хотя выражение его лица говорило об обратном. — Я думаю, все же в таком положении даже сильное государство нуждается в добрых союзниках! Как знать, откуда может прийти беда!

Падаси понимал, что молодой царь Ахора хочет извлечь для себя выгоду из ситуации, в которой оказался Хостинпур. Он промолчал, ожидая продолжения. Джуга, не дождавшись реакции царя, присел без приглашения на кресло, стоявшее возле постели, развалился в нем с удобством, закинув ногу на ногу. Всем своим видом он показывал, что в эту минуту не Падаси ему, а он может ставить условия хостинпурскому царю.

— Ты болен, царь! — твердо сказал Джуга. — Твой сын сейчас не сможет взять на себя бразды правления, мало кто склонит голову перед человеком, позволившим увезти свою невесту прямо со свадьбы.

Даже сквозь сумрак, постепенно окутавший комнату, было видно, как гневно исказилось лицо Падаси.

— Царь, давай посмотрим на вещи в их истинном свете! — горячо проговорил Джуга. — Мы знаем, что Хостинпур — богатая страна и у тебя есть сильная армия. Но эту армию, в случае необходимости, некому будет вести.

— У меня есть военачальники! — ответил Падаси.

— Ни один из них не сравнится с тобой! — возразил Джуга.

— Но я еще жив!

— Пусть Идра продлит твои годы! — поспешно сказал Джуга. — Но пойми и меня, я беспокоюсь об Ахоре. Хостинпур запрещает мне строить крепости на границе, запрещает иметь большую

армию. Мой сильный народ, народ воинов, превращается в землепашцев.

— Ахор это заслужил! — твердо сказал Падаси.

— Может быть, — согласился Джуга. — Но это было давно. Давай посмотрим на то, что есть сейчас! Хостинпур силен, в этом никто не сомневается, но силу некому возглавить. Кулак без головы может принести много бед, но вряд ли принесет пользу. Что ты будешь делать, если на тебя нападут враги?

— Воины Хостинпура способны заставить каждого врага пожалеть о том, что он не удержал меч в ножнах!

Падаси тяготил этот разговор. Он прекрасно понимал, что Джуга ведет себя как враг. Царю были известны взгляды и намерения соседа, но он не мог не признать его правоту хотя бы только для себя. Эти вопросы тревожили и самого Падаси, он пока не знал ответов на них и надеялся только на милость богов.

— Падаси, это слова смелого воина, но не царя! Ты же понимаешь, что в моих словах — истина, — Джуга наклонился к постели Падаси. — Хорошо, допустим, Хостинпур сможет защитить свои земли. А мои?

— А на тебя кто-то нападает? — усмехнулся Падаси.

Джуга нарочито заботливо поправил покрывало, которым был укрыт царь, и, когда тот недовольно поморщился, вновь откинулся на кресле:

— Пока нет, но я не могу удовлетвориться нынешним призрачным спокойствием. Я могу допустить, что некое государство, желая испытать твою крепость, сначала нападет на меня. Кто-нибудь может возжелать просто прощупать ситуацию и начнет с Ахора. Почему бы и нет? Я сам бы так и сделал на месте, скажем, царя Олли.

— С царем Олли нас связывает дружеский договор, — сказал Падаси, хотя для него не было секретом, что любой договор хорош только тогда, когда он поддержан мечами.

— А с каким именно царем? С Синтой, не так ли? Но там уже правит его дядя — царь Банга. Синта еще жив, но долго ли он будет жить, мне не известно. Наверняка Банга поспешит избавиться от племянничка.

Эти сведения были уже известны Падаси.

— Синта будет казнен, Банга утвердится на

троне и может воспользоваться благоприятным моментом, — с напором сказал Джуга. — Почему бы ему не напасть на меня?

— Он знает, что на защиту Ахора встанет Хостинпур, — сказал Падаси.

— И две армии столкнутся на моей территории! — зло засмеялся юноша. — Не проще ли мне будет самому отразить удары Банги? Мне нужна армия, способная хотя бы сдержать удар, если он последует, и дожидаться воинов Хостинпура. Позволь мне начать вооружать своих людей!

— Нет! — твердо сказал Падаси и даже в темноте увидел, как злобно сверкнули глаза молодого царя.

— Хорошо, государь, — поднялся Джуга. — Я тебя предупредил о том, что может вскоре последовать. Если Ахор и Хостинпур постигнут беды, вина за это падет на твою голову!

Джуга быстрым шагом вышел из комнаты. Пройдя в отведенные ему покои, он приказал седлать лошадей и выехал в путь, не дожидаясь утра.

Падаси не пришлось отдохнуть, хотя царь нуждался в целительном отдыхе. К нему вошел Девдас, слуги зажгли свечи и удалились.

— Девдас, мы можем ожидать восстания Ахора, — тихо сказал Падаси верховному жрецу.

— Я слышал последние слова вашего разговора, — ответил Девдас. — Джуга так орал, что трудно было его не слышать. Но ведь мы не можем сейчас помешать ему?

— Нет, — покачал головой Падаси. — Завтра я отдам распоряжение укреплять границы, усилить посты. Но не это сейчас меня тревожит больше всего. Ты не знаешь, кто похитил Деввику?

Верховный жрец понимал, что каждое его слово только усиливает муки царя, но не мог ничего поделать. В комнату вошла Дурга, простившаяся с последними гостями. Она села в головах у царя и слушала жреца, поглаживая волосы Падаси.

Девдас пересказал разговор с бахмачари. Оставалось много неясного в словах святого старца, но приходилось полагаться на то, что было известно.

— Позовите Ашуру! — приказал царь.

— Он целый день провел в седле и очень измучился! — Дурга вступила на защиту сына. — Может быть, принц спит, ему нужно отдохнуть.

— Ты плохо думаешь о нашем сыне, — сказал Падаси. — Он не может спать, потеряв невесту.

Дурга вышла из покоев царя и отправила слугу за принцем. Через несколько минут Ашура вошел в царские покои. Действительно, несмотря на усталость, сон не шел к юноше. Темные круги залегли у него под глазами, лицо приняло серый оттенок, но он готовился к дальнему походу. По приказу принца его товарищи также готовились утром отправиться в путь, чистили и проверяли оружие, собирали в дорогу вещи.

Слова Девдаса о том, что он должен отправиться на поиски только в сопровождении Дараяма, не обескуражили принца. Он без возражений принял волю, высказанную бахмачари, и даже обрадовался, что стало известно, по крайней мере, направление поисков.

Дараям же за несколько дней, проведенных с принцем, стал очень близок к нему, и Ашура был рад, что именно ученик жреца станет его спутником. На рассвете они должны были покинуть крепость.

Первым в замок на скалах прибыл Магам. По мере приближения к замку жжение под кольцом становилось все слабее.

Кнохт, наблюдая за гостем в свое зеркало, отражавшее происходящее в пещере, ведущей из леса в замок, побеспокоился о том, чтобы существо, обитающее в пещере, не повредило гостю. Однако заставить существо молчать Кнохт не торопился, и потому подпрыгивания испуганного Магама, слышавшего зловещный рык пещерного жителя, доставили хозяину замка немало веселых минут.

— Достопочтенный второй визирь, благодарю тебя за то, что ты любезно принял мое приглашение! — провозгласил Кнохт, когда его гость наконец явился.

— Я уже стал бы первым визирем, если б ты не вызвал меня сюда, — проворчал Магам. — Сейчас в Ахор вернется Джуга, а меня нет. Как я буду ему объяснять свое отсутствие? А что касается любезного предложения, так я не хотел остаться без мизинца.

— А что с Шанги? — спросил Кнохт.

Магам закатил глаза и помахал руками, изображая то ли птичку, то ли отлетающую душу.

— Ай, молодец! — захлопал в ладоши Кнохт. —

Я никогда не сомневался в твоих способностях! Ничего, покажешь Джуге пару фокусов, и он решит, что умнее тебя в Ахоре нет человека, и заметь, это будет совершенно справедливо!

Кнохт наставительно поднял вверх указательный палец.

— Ничего, ты правильно сделал, что поспешил на вызов, — успокоил он Магама. — У меня есть чем вас порадовать, только дождемся Банги.

— Он тоже спешит сюда? Ты собрал всех нас?

— А как же! — воскликнул Кнохт. — Но пока он спешит, пройди в комнату, приготовленную для тебя. Да, тебе надо помыться с дороги.

Он хлопнул в ладоши, вызывая молчаливого низенького слугу, который пригласил Магама следовать за собой. Хозяин замка вернулся к зеркалу в ожидании третьего колдуна.

Поверхность зеркала, отражавшая темные стены пещеры, покрылась туманом. Кнохт понял, что в пещере находится кто-то, кто не желает, чтобы его видели. Он узнал стиль своего давнего товарища.

Не успела отвориться дверь, которая отделяла внутренние помещения замка от пещеры, как хозяин принялся весело кричать:

— Я чуть было не спустил на тебя своего подвального монстрика, старина Банга! Добрые люди не ходят так, как ты!

— Не люблю, когда за мной подсматривают, — проворчал Банга, входя в замок. — Я знал, что ты придержишь свою собачку, поскольку ожидаешь меня.

Кнохт покачал головой:

— Видали, он не любит, когда его рассматривают! А еще особа царских кровей, принц...

— Великий царь Олли!

— Ого! — удивился Кнохт и согнул спину в шутовском поклоне. — Добро пожаловать, ваше величество, в сей недостойный замок. Визит ваш — праздник для нас, сирых...

— Не паясничай! — прервал его Банги. — Царь-то я царь, но Синта еще жив. Ускользнул, паршивец, прямо из рук! Надо найти и прикончить.

— Отличная идея! — пропел Кнохт. — Представь себе, для того я тебя и позвал.

— Прикончить Синту? — воскликнул гость.

— Найти и прикончить, — уточнил Кнохт. — Отдыхай пока, пообедаем вместе, я все расскажу.

Слуга проводил Бангу в комнату, отведен-

ную царственной особе. Впрочем, здесь, в скалистом замке, титулы гостей не играли большой роли. И первый визирь, и царь должны были подчиняться хозяину замка Кнохту, ибо на это подчинение согласились они много лет назад, когда Кнохт выбрал их мальчишками и предложил научить великому мастерству магии. Обучение часто велось в тайне и кружило головы мальчишкам, вдруг получившим возможность управлять людьми и животными, творить то, что обычному человеку не под силу. Они вступили в Орден Луны, который возрождал Кнохт.

Колдуны Луны, по рассказам Кнохта, были некогда одним из самых сильных магических орденов, существовавших на территориях нынешнего Хостинпура, Ахора, Лахи, Хозрема, Олли, пустынных земель. Их могущество простиралось далеко, но погибло вместе с господством демонов. И все же остались крупицы знаний, которые посвященные подбирали, изучали, развивали.

Одним из таких людей был Кнохт, в свое время пришедший в скалистый замок юнцом и ставший в итоге его хозяином. Кнохта не устраивала работа в одиночку. В своих мечтах он видел себя главой могущественной организации, в которую входили бы колдуны, добившиеся больших успехов на ниве магии или политики, а то и во всех областях. Возрождение Ордена Луны стало целью жизни Кнохта, этому он посвящал все свое время. Роясь в древних манускриптах, оставленных прежними владельцами скалистого замка, Кнохт обнаружил описание того, как был побежден великий маг прежних времен Вала, прозванный людьми Черным Палачом. Кнохт потратил годы на раскрытие тайны его освобождения и сейчас был близок к тому, чтобы поиски дали, наконец, нужный результат. Колдун рассчитывал на большую награду от великого мага, надеялся с его помощью стать, может быть, даже правителем мира. Для этого нужны были помощники, и у него оказались под рукой Магам и Банга. Случай дал ему власть над пустынным колдуном Хуллой, доставшим волшебный перстень. Оставалось предпринять последние усилия.

— Сейчас я расскажу вам древнюю историю, — сказал Кнохт, когда, насытившись плотным

ужином, первый визирь Ахора и царь Олли откинулись на своих креслах.

Разговор происходил в центральном зале замка, стены и пол которого были украшены коврами. Хозяин и гости восседали за огромным столом, где некогда принимали пищу колдуны Ордена Луны. В открытые окна, вырубленные в скале, влетал морской соленый ветер, вдыхая который, маги дышали полной грудью.

— Никогда не было на свете магов сильнее, чем маги Ордена Луны, — начал Кнохт свой рассказ. — Они не трубили о своей принадлежности к Ордену, но можно было быть уверенным в том, что любой маг, который способен на нечто большее, чем призывать дождь и заклинать тучи, носил на мизинце такое кольцо, какие есть у вас. Правил Орденем великий Вала, которому подвластны были тайны неба и земли, который мог управлять демонами по своему разумению, а не просто открывать пути на землю раксасам, как умеем пока мы.

Люди прозвали Валу Черным Палачом, но это прозвище неверно. Вала не был кровожаден, просто его искусство должно было подпитываться людскими жизнями, иначе демоны не служили бы ему. Как собака будет служить хозяину, кормящему ее мясом, так демоны служили Вале, а он кормил их, убивая людей. Но людей много, царства не скудели от того, что малая толика жителей служила пищей демонам. Вы понимаете меня, друзья мои. Любое знание, тем более тайное, требует жертв.

Однажды, когда Вала выпустил в мир слишком много демонов, люди восстали. Глупцы, в битвах с магами Ордена Луны они потеряли гораздо больше, чем могли бы потерять, спокойно отдавая на заклятие некоторых из своей среды.

В то время люди возненавидели тайное знание и сами приняли решение отказаться от него. Они забыли, сколько раз это знание выручало их. Люди решили, что Идра возьмет на себя все их горести, сами повыгнали колдунов из селений, сами отказались от знания. Была война, Орден Луны во главе с Валой сопротивлялся, демоны выступали на его стороне, и не вмешайся Идра, Вала сумел бы вразумить глупцов. Но боги не любят, когда кто-то идет наперекор их воле. Идра, которому угодны яблочки и цветочки, ненавидел демонов, питав-

шихся человеческими жизнями. Вала оказался лишен своей силы и заточен.

Кнохт замолчал, переводя дыхание. Он не спеша нацедил вина в свой кубок. Магам, ожидавший продолжения истории, спросил:

– Ты хотел сказать, убит?

– Нет, – хитро улыбнулся Кнохт. – Им не под силу было лишиться его жизни, слишком много нитей связывало его с более сильными существами. Они заточили великого мага в перстень. Их было трое, тех, кто своей кровью скрепил заточение. В глубине одного перстня, что выглядит на первый взгляд обычной стекляшкой, можно разглядеть три пурпурных капли. Это кровь тех, кто принял участие в пленении главы Ордена Луны.

– Кто это был? – спросил Банга.

– Цари Оллиии, Ахора и князь Хозрема. Они отдали по капле своей крови, которая теперь будто магнитом держит Валу в перстне, не давая ему вырваться на свободу. Но мы можем помочь ему...

– Этот перстень у тебя? – Банга, судорожно сглотнув, вытянул длинную шею.

Кнохт не спеша достал перстень из складок одежды и положил его на стол перед своими гостями. Магам протянул было руку, но испуганно ее отдернул, не рискуя прикоснуться к украшению, ставшему тюрьмой для великого мага.

Банга был не столь пуглив, он повертел перстень в пальцах, внимательно всмотрелся в камень, стараясь разглядеть капли крови:

– А ты уверен, что Вала может вернуться к жизни? И что это именно тот перстень, который нам нужен?

– И что он не убьет нас самих, как только мы его освободим? – подхватил Магам.

– Тихо, тихо! – остановил поток вопросов Кнохт. – Вала жив, и мы можем его освободить, правда, для этого нужно выполнить несколько условий. Не думаю, что он убьет нас, он был главой Ордена Луны, а мы – члены этого Ордена. Я с удовольствием уступлю ему первенство. Если Вала прежде имел помощников, то они потребуются ему и сейчас.

Магам, осененный внезапной мыслью, вдруг приложил ладонь к губам:

– А сейчас великий Вала нас слышит?

– Думаю, да! – серьезно сказал Кнохт, чтобы избежать дискуссий с трусоватым Магамом.

– Что нам нужно сделать? Полить перстень своей кровью? – спросил Банга.

Кнохт всплеснул руками, выражая восхищение догадливостью колдуна.

– Почти так, – пояснил он. – Только не своей кровью нужно его поливать. Понимаете, те капли крови, что есть в перстне, будто магнит держат Валу. Чтобы его освободить, нужен более мощный магнит. Но им может стать только та же кровь, что его заперла.

– Но ведь эти люди давно умерли! – воскликнул Магам.

– Да, – согласился Кнохт, – но их кровь пропала ли с ними? У них были дети, у детей свои дети...

Банга побледнел, но пересилил себя:

– Ты хочешь сказать, что нам нужно пролить на перстень кровь князя Хозрема и царей Оллиии и Ахора?

– Да! – согласился Кнохт. – Именно так! Только князя Хозрема больше нет, осталась его дочь, принцесса Девика, и ее уже везут сюда!

– Но Девика вышла замуж! – воскликнул Магам.

– Не успела! – хихикнул Кнохт.

– Остаются цари Ахора и Оллиии, – сказал оллиийский колдун.

– Царь Ахора у нас тоже есть! – торжествующе заявил хозяин замка.

– Как, Джуга здесь? – спросил удивленный Банга.

– Нет, здесь Баг Атем.

Приезжие колдуны едва сдержали удивленные возгласы.

– Он мешал Хадму. Вы же помните этого ахорского воина, который служит мне? И мы нашли возможность переместить этого царя из дворца в Ахоре в подвал скалистого замка. Нужен только царь Оллиии. Что скажешь, Банга?

Колдун выгтер выступивший на лбу пот:

– Ты хочешь убить меня?

– Ну что ты! Ты нам нужен! Стоило мне тратить силы на твоё обучение, если б я собрался пролить твою кровь!

Помедлив, Банга вновь уселся.

– Я привезу вам Синту! – сказал он. – Вала вновь выйдет на свободу.

Еще затемно Ашура и Дараям выехали из цитадели. Не перебросившись и десятком

слов, они миновали место, где колдовство похитителей в первый раз остановило погоню. Время перевалило за полдень, солнце пекло, но привычные к испытаниям юноши не останавливались. Изредка какой-нибудь крестьянин, разогнув спину и вытерев пот со лба, провожал их взглядом. Вечером, когда сгустились тени, всадники решили сделать остановку. Нужно было дать отдых коням, которым предстоял еще не близкий путь, да и самим им отдохнуть не мешало.

Подъехав к деревьям, возле которых журчал ручеек, они расседлали лошадей и, стреножив, пустили их пастись. Сами же, расстелив плотные покрывала, расположились на земле.

Принц собрался укрыться свободным концом покрывала, но Дараям остановил его:

— Ашура, ты целый день не ел. Воину не годится наедаться перед битвой, но путь еще не близкий. Мне бы не хотелось, чтоб ты встретился с врагами, качаясь от голода.

Принц улыбнулся в ответ.

— Прости, но я не хотел останавливаться в селениях, а сейчас у нас есть только фрукты, холодное мясо и хлеб. Будем ужинать?

— Конечно! — Дараям ненадолго отлучился и вернулся с охапкой хвороста.

— Зачем тебе хворост? — спросил принц. — Ты взял огниво и трут?

— Нет, это ни к чему, — ответил Дараям. Он присел на корточки, собрал горсть сухой травы и прикрыл ее ладонями. Затем закрыл глаза и вполголоса запел.

Принц с любопытством наблюдал за товарищем. Ученик жреца резко оборвал песню, хлопнул ладонями по траве и резко приподнял руки. Под его ладонями забился маленький яркий огонек, от которого зашлась сухая трава. Пока она не успела прогореть, Дараям стал подкладывать сухие веточки, и вскоре на месте стоянки горел костер.

Ученик жреца извлек из запылившейся дорожной сумы небольшой котел, наполнил водой из ручья и повесил его над костром.

— Я не знал, что жрецы умеют так делать, — сказал принц.

— А жрецы и не умеют так делать, — ответил Дараям. — Я подумал, что раз уж Идре было угодно отлучить меня от служения ему на какой-то срок, значит, я могу использовать те зна-

ния, которые приобрел еще до того, как прийти в храм к Девдасу.

Говоря эти слова, Дараям вытащил из сумы рис и специи, острый запах которых распространился над местом стоянки еще до того, как они были положены в котел.

Вскоре в котелке бурлило сытное варево, которым Дараям собирался накормить принца.

— До того как стать учеником Девдаса, я был учеником деревенского колдуна, — начал рассказывать Дараям. — Я жил в селении почти на границе с Ахором. Родителей своих я не помню, сельчане говорили, что отец был охотником и погиб в схватке с тигром-людоедом. А мама умерла от горя. Меня взял на воспитание деревенский колдун.

— Разве в Хостинпуре остались колдуны? — удивился принц.

— Ну как тебе сказать... Сейчас, наверное, уже нет. Но тогда один колдун был жив, это точно, ведь он меня и растил.

— Почему тебя не привезли ко двору? Если селение не могло тебя кормить и воспитывать, нужно было привезти тебя в столицу. Ведь всегда так и делается!

— Обычно так. Но сельчане вполне могли меня содержать, то есть меня кормил и обучал колдун. Видишь ли, умение колдовать имеет и свои оборотные стороны. Например, если колдун умирает, не воспитав ученика, не передав свои знания, то смерть его мучительна и, говорят, после смерти он не может обрести покой.

— Выходит, все колдуны имеют учеников?

— Нет, что ты! Колдуны берегут свои знания и делятся ими неохотно. А кроме того, умение изменять реальность дает им иллюзию власти. Им часто кажется, что они смогут поспорить и со смертью. Но мой колдун был не таким. Этого умного человека сельчане берегли, потому он по-прежнему жил и колдовал потихоньку, когда об этом люди сильно просили. Сельчане берегли эту тайну, и потому колдуна никто не трогал...

— Он умер?

Дараям пожал плечами.

— Я не знаю. Падаси и Девдас боролись с оставшимися колдунами и, вероятно, правильно делали. Человек, а колдун все-таки человек, не всегда может определить границу дозволенно-

го. В общем, однажды пришли солдаты и отняли у меня учителя.

— Они убили его? — нерешительно спросил Ашура.

— Его заперли на ночь в хижине, чтобы поутру вести в столицу, а утром хижина была пуста.

— Может, он сбежал? Воины плохо охраняли выход?

— Воины охраняли хорошо, да я и сам сидел всю ночь на улице возле дверей и плакал. Я бы увидел, если бы учитель как-то выбрался. В общем, он просто растворился в воздухе, как соль растворяется в воде. Больше я его никогда не видел. Воины отвели меня в крепость, а Девдас взял в ученики.

Дараям рассказывал о своей потере просто, но Ашура с болью выслушал эту историю. Сам испытал горечь потери, он с сочувствием отнесся к рассказу товарища.

— Ты скучал по своему учителю? — спросил принц.

— Сначала — да, очень. А потом успокоился. Я же понимаю, что колдунам не место ни в Хостинпуре, ни в мире вообще... Правда, я рад, что мой учитель не погиб тогда. Я не знаю, что с ним, но хочется надеяться, что он все еще жив и что с ним все хорошо.

Дараям замолчал. Ашура, видя, что эти воспоминания немного расстроили товарища, какое-то время удерживал любопытство. Тем временем ужин был готов. Над котлом витал такой пряный запах, что Ашура, вроде бы не испытывавший приступа голода, почувствовал, что рот его наполнился слюной. Принц и Дараям принялись за еду, запивая рис водой из ручья.

Когда котел опустел, Дараям вымыл его в ручье и вновь убрал в суму. Костер догорел. Пока Ашура рубил ветви с ближайших деревьев, Дараям освободил место кострища от углей. Ветви были положены на горячую землю и покрыты плотными покрывалами. Теперь юношам не грозила ночная прохлада.

Уже улегшись, Ашура продолжил разговор:

— И многому ли научил тебя твой колдун?

— Нет, не очень. Деревенские колдуны многого не умеют и сами. Да и чему можно научить пятилетнего мальчишку! Он просто заменил мне родителей, кормил, одевал, приучал к домашнему труду, ну и чуть-чуть колдовать обучил.

— А как Девдас относится к твоим умениям?

— Наверное, он верит в меня, если сделал своим учеником. Он не запрещал мне колдовать, а просто рассказывал, почему этого не надо делать.

— А почему? — встрепенулся Ашура.

— Я же говорил тебе, принц, изменение реальности ведет к большим соблазнам. Думаю, Девдас уверен, что я могу контролировать себя и свои желания.

— А сам Девдас умеет колдовать? — не мог успокоиться принц. — А бахмачари умеют?

— Ни разу не видел, чтобы Девдас колдовал, — ответил Дараям, укладываясь. — А бахмачари не колдуют, им боги дают их удивительные умения. Давай спать, принц, радостного утра тебе!

Утром, умывшись, юноши отправились дальше. Ближе к вечеру они подъехали к границе с Ахором, на которой их остановили хостинпурские воины, стерегущие дорогу. Узнав принца, начальник стражи предложил ему ночлег и ужин. Выспавшись, они простились с гостеприимным начальником пограничной стражи и въехали в Ахор.

Глава девятая

Не успели прозвучать последние слова Банги, обещавшего привезти Синту, как хозяин замка услышал безмолвный призыв отправленного им за принцессой Хадма.

— Ага, похоже, у нашего дорогого Баг Атема появилась компания! — захихикал Кнохт, потирая толстые ладошки. Он так обрадовался, что не заметил, как побледнел Магам.

— Наверное, нам не надо пока встречаться с принцессой? — спросил Банга.

— Конечно, нет! — замахал руками Кнохт. — Идите отдыхайте.

Банга и Магам вышли из зала и отправились в свои комнаты. Но визирь Ахора не вошел в отведенные ему покои. Дождавшись, когда за Бангой закроется дверь, он быстро посеменил обратно. Магам пересек пустой зал и направился в сторону комнаты, служившей своеобразной прихожей. Голоса, звучавшие там, он услышал издали.

— Нас чуть не остановили эти лесные фурии ганги! — говорил Хадм. — Благо, твои заклинания помогают без сучка и задоринки, все стрелы

пролетели мимо и в погоню за нами лесные де-
вы не пустились.

— Все хорошо, что хорошо кончается, Хадм, —
протянул Кнохт. — А твоя миссия закончена,
бери девочку и пойдем со мной.

Магам едва успел спрятаться за портьерой,
когда мимо него прошествовал Кнохт, а за ним,
широко шагая, прошел Хадм, несший на плече
Девуку. Руки и ноги принцессы беспомощно
свисали с широкого плеча воина.

Следуя за хозяином замка и его слугой, Магам
добрался до коридора, в котором располагались
комнаты, предназначенные для пленников.
Возле одной из дверей на страже стоял воин,
Магам понял, что именно там содержится Баг
Атем. В соседнюю комнату Хадм внес спящую
принцессу. Магам, узнав все, что ему нужно,
быстро удалился, никем не замеченный.

В своей комнате он еле дождался вечера, за
ужином почти не принимал участия в разгово-
ре, налегая на вино и пьянея на глазах. Банга
презрительно косился на него, а Кнохт, словно
добрый дядюшка, приговаривал:

— Пей-пей, Магамчик, нам предстоят труд-
ные дела, поэтому сейчас-то можно отдохнуть!

Вскоре визирь, сославшись на усталость,
отправился в свою комнату. При этом он стар-
ательно изображал из себя пьяного, на самом
же деле был абсолютно трезв. Заблаговремен-
но принятые снадобья помогли пить без ме-
ры и при этом оставаться в здравом уме. Ухо-
дя, он услышал, как Банга сказал, обращаясь к
Кнохту:

— Он так набрался, что раньше завтрашнего
полудня не встанет!

Часа два Магам выжидал, ворочаясь на своей
кровати. Когда он поднялся, вся постель была
сбита, будто на ней резвились десяток марты-
шек, но колдун не утруждался приведением ее в
порядок. Он подошел к зеркалу, отражение,
увиденное в лунном свете, лившемся в комнату
из окна, вполне удовлетворило его. Магам по-
правил свою заплетенную в косицу бороду, при-
гладил волосы, также заплетенные на затылке в
косу, и двинулся к двери.

Он шел по темным коридорам замка, почти
вплотную прижимаясь к каменным стенам.
Отойдя от своей комнаты десятка на два ша-
гов, он почувствовал, как липкий страх впол-
зает в душу. Кожу покрыв выступивший хо-

лодный пот, но колдун заставлял себя двигать-
ся все дальше. Он сам не смог бы объяснить,
чего боялся.

Стук сердца усилился, когда колдун достиг
нужного коридора, освещенного факелом,
воткнутым в стену. Магам постоял, стараясь
унять предательскую дрожь. Когда ему уда-
лось более или менее справиться с собой, он
энергичным шагом вошел в коридор. Видя
смело шагающего колдуна, стражник, сонно
привалившийся к стене у двери в комнату Баг
Атема, выпрямился, но не стал поднимать
тревогу. Он знал приказ хозяина не впускать в
комнаты никого, но приближавшийся колдун
пока не изъявлял желания общаться с плен-
никами.

Магам остановился в трех шагах от стражни-
ка, сверлившего его глазами. Ловким, почти
неуловимым движением он вытащил из скла-
док одежды нечто, зажатое в кулак. Стражник
установился на руку колдуна. Тот разжал кулак,
и стражник увидел на ладони легкое малень-
кое облачко, будто кусочек тумана. Заподоз-
рив неладное, он захотел было поднять шум,
но не успел. Магам дунул на облачко, и оно,
повинуясь воздушному потоку, быстро проле-
тело расстояние от ладони до лица стражника.
Почти против воли стражник вдохнул в себя
этот кусочек тумана и тут же словно окаменел.
Со стороны казалось, что воин, выполняя
приказ, строго охраняет свой пост, но, при-
глядевшись, можно было понять, что этот
стражник не реагирует на то, что происходит
вокруг.

Девика, очевидно, не приходившая в созна-
ние с того момента, как оказалась в замке,
спала, мирно посапывая. Колдун присел на
край кровати и начал гладить ее волосы и ли-
цо, любясь юной красотой принцессы. Де-
вушка открыла глаза и увидела склонившегося
над ней колдуна. Некоторое время она не мог-
ла понять, что с ней происходит, но вдруг ужас
отразился в ее глазах. Принцесса хотела
вскрикнуть, но Магам зажал ей ладонью рот.
Девика попыталась высвободиться, но тело,
еще не освободившееся от колдовского сна,
плохо слушалось ее.

— Не кричи, принцесса! — зашептал Магам. —
Тебя могут услышать стражники, и нам обоим
придется плохо! Я пришел спасти тебя!

Смысл сказанных слов с трудом доходил до сознания возмущенной девушки, и она успела крепко сжать зубы, прикусив кожу на ладони колдуна. Он отдернул ладонь и затряс ею в воздухе, продолжая увещания:

– Тихо-тихо, ты все погубишь!

– Так это ты отправил воинов, которые похитили меня! – девушка крикнула не так громко, как намеревалась, поскольку постепенно осознала то, что говорил ей дерзкий колдун.

– Нет! Я же говорю, тебя похитил могущественный колдун. Он прикажет убить тебя, а я хочу помочь моей принцессе! Любовь к тебе помогла мне проникнуть в этот замок. Я смогу тебя выручить, если ты согласишься стать моей!

Магам выжидательно посмотрел в лицо Девике. Та старалась оттянуть время.

– О чем ты говоришь? Зачем какому-то колдуну убивать меня?

Опуская подробности, Магам рассказал ей о планах Кнохта.

– Почему я должна верить тебе? – спросила она, когда колдун закончил рассказ.

– Ты можешь мне не верить, но потом, когда ты окажешься связанной и над тобой будет занесен нож, не раскаешься ли ты в своем неверии? Девика, краса моя, у тебя нет выхода. Либо ты принимаешь мое предложение и мы пытаемся бежать отсюда, либо тебя ждет гибель!

Девика молчала, по испуганному тону, когда речь шла о Кнохте, девушка поняла, что колдун ей не врет. Но согласиться стать женой этого человека принцесса не могла. Все в нем вызывало отвращение: свисающий жирный живот, солевые волосы и борода, заплетенные в косы, круглые большие глаза навывкате, в которых отражались то страх, то похоть...

– Сначала помоги мне выбраться, а там посмотрим, смогу ли я стать твоей, – предложила она.

– Ну, нет! – резко возразил Магам. – Я не хочу рисковать жизнью, не зная, что получу в случае удачи. Ты уже однажды отказала мне, кто даст гарантию, что не откажешь еще раз?

Девика покачала головой:

– Я не могу выйти за тебя, я должна стать женой принца Ашуры!

Магам усмехнулся:

– Тогда, может быть, ты позовешь Ашуру и он поможет тебе вырваться?

– Я уверена, что он уже ищет меня.

Магам не стал возражать:

– Конечно, ищет! Только вопрос, найдет ли! Думаешь, Кнохт не обезопасил свой замок от незваных гостей?

Девушка промолчала.

– Решай скорее, действие сна, который я наслал на стражника, скоро кончится! – поторопил ее колдун.

Девика опустила голову. Решив, что она просто стесняется произнести слова согласия, сам не веря своему счастью, Магам взял ее голову в свои ладони, приподнял и, дрожа от возбуждения, вознамерился поцеловать алые губки. Но Девика, почувствовав мерзкий запах пота, шедший от колдуна, не смогла противостоять чувству отвращения и резко оттолкнула от себя Магама так, что тот чуть не упал с кровати, на которой сидел рядом с принцессой.

Оскорбленный колдун поднялся:

– Ты вновь отказала мне! – сказал он сурово.

– Один раз я простил тебя и даже готов был рисковать жизнью ради твоего спасения. Но теперь ты будешь жестоко наказана!

Он вновь достал из-за пазухи кусочек тумана и, дунув, усыпил девушку.

– Проснувшись через час, ты даже не вспомнишь о моем визите, – шепнул колдун, уходя.

До полудня Ашура и его спутник успели проделать половину пути через Ахор. После того как встречный крестьянин, погонявший волов, тащивших телегу с горшками, узрев всадников, загнал волов прямо в грязную канаву, отчего телега накренилась и горшки полетели в черную жижу, принц, обращаясь к Дараяму, заметил:

– Похоже, воинов в этой стране не очень-то любят.

– Здесь боятся вооруженных людей, – ответил тот. – Люди не знают, чего от нас ждать. По дорогам Ахора еще бродят шайки тех, кто не сложил оружие. Баг Атем усмирлял разбойников, желавших развязать войну с Хостинпуром, но не слишком успешно делал это. А Джуга, похоже, наоборот, будет заигрывать с ними, собирая под свои знамена.

– Но если люди шарахаются от нас в сторону, значит, они не хотят войны? – спросил Ашура.

— А кто ее может хотеть, кроме воинов, царей и оружейников?

Почувствовав в словах Дараяма укол в свой адрес, принц на некоторое время замолчал. Не прошло и часа, как впереди на дороге показалась группа всадников. Их было человек десять, хорошо вооруженных мечами и короткими копьями мужчин на сытых гладких лошадях. Всадники заняли всю дорогу и явно не намеревались пропускать хостинпурцев.

Подскакав к ним, Ашура и Дараям были вынуждены осадить своих коней.

— Дозор его светоносного величества Джуги! — крикнул им один из всадников, одетый побогаче, чем остальные. — Кто вы такие и куда направляетесь?

Всадник держался уверенно, по голосу было ясно, что он привык командовать.

— Проверка пограничных постов! — поспешил крикнуть в ответ Дараям.

Ашура удивленно взглянул на него, но всадники, услышав ответ, тронули своих лошадей, давая дорогу. Их начальник не спешил поверить на слово:

— Кем посланы? Куда конкретно?

Принц и Дараям уже проезжали мимо, и Ашура не удержался:

— Я сам себя посылаю в дорогу туда, куда хочу! С каких пор хостинпурские воины должны давать отчет своим действиям ахорцам?

Услышав эти слова, всадники загалдели и выхватили мечи!

— Вперед! — крикнул Дараям, но сам повернул коня так, чтобы задержать воинов и дать возможность Ашуре оторваться.

Принц же, увидев это, тоже схватился за меч.

— Девика! — крикнул ему Дараям.

Это слово заставило Ашуру вспомнить о цели путешествия, он пришпорил коня, ухватившись рукой за узду лошади своего товарища. Та послушалась и, развернувшись, тронулась. Через минуту хостинпурцы гнали коней по дороге, спасаясь от орущих воинов Ахора.

Они не смогли бы спастись, если бы не умения Дараяма. Ученик жреца, отправившись в это путешествие, решил, что бахмачари Шиа не зря указал на него. Он позволил себе вспомнить те умения, которые когда-то в детские годы приобрел. Нужно было лишь чуть-чуть оторваться от нагонявших всадни-

ков. Когда ему это удалось, он достал из седельной сумы камень и бросил его на дорогу. В этом месте тут же выросла стена, заведя которую, ахорцы осадили своих лошадей. Воины не знали, что стена была лишь миражом. Ашура, переставший слышать крики за спиной, обернулся. Он узнал колдовство, которое остановило его самого, когда похитители увозили его невесту.

Но медлить было нельзя. В сторону от дороги уходила тропинка. Ашура свернул на нее, Дараям последовал за ним.

Вскоре тропинка привела их в лесную чащу, где и пропала. Благо, деревья здесь росли не так густо, чтоб невозможно было двигаться вместе с лошадьми. Юноши поняли, что спаслись от погони.

Они шли около двух часов, когда принц предложил вернуться на дорогу.

— Это вряд ли разумно, — возразил Дараям. — Наверняка ахорцы уже проскакали вперед и сообщили о двух хостинпурских всадниках. Нам не дадут продолжать путь. Придется идти лесом.

— Но мы теряем время!

— Хорошо ли будет выиграть время, но потерять в лучшем случае свободу, а в худшем — жизнь?

Возразить что-либо было трудно. Будто помогая всадникам, лес стал реже. Они поняли, что вступили в ахорский сосняк. Кое-где в этих местах встречались сосновые леса. Идти по ним было легко, стволы вековых сосен стояли на большом расстоянии друг от друга. Здесь легко дышалось, а ноги легко пружинили на мягкой подушке из сухих иголок. Но в этих лесах было заметно темнее, кроны сосен высоко вверх разрастались и почти закрывали небо.

В лесных сумерках юноши поднялись на холм, а когда оказались на вершине, перед их глазами открылась удивительная картина. Внизу начинались дремучие заросли, но на самой границе сосняка среди стволов виднелись серые развалины величественных зданий.

— О, Идра! Что это? — воскликнул пораженный Ашура.

Дараям внимательно смотрел на огромные камни, воздвигнутые, казалось, не людьми, а древними богами.

— Это один из храмов великой империи, — наконец ответил он.

— Как? — переспросил Ашура. — Эти строения существовали еще до Хостинпура? И до появления Великой Пустыни?

— Возможно, — кивнул Дараям. — Посмотрим, не дремлют ли в них забытые боги.

Ашура боязливо покосился на товарища. Готовый сразиться с сотней вооруженных до зубов воинов, он опасался навлечь на себя немилость прежних божеств.

Юноши спустились и прошли вдоль строений, поставленных из камней, каждый из которых был выше человеческого роста. По-видимому, они набрали на остатки здания, занимавшего площадь, сравнимую с площадью хостинпурской крепости. Ашура с удивлением озирался по сторонам, доверив Дараяму идти первым. При этом принц не испытывал страха, едва оказавшись рядом с развалинами, он ощутил, как невиданный покой воцарился в его душе. Казалось, в этом месте можно было не бояться вообще ничего.

Дараям шел к алтарю. Постамент возвышался в центре периметра. Но он был пуст.

— Мы, наверное, никогда не узнаем, что за божество здесь восседало, — проговорил Дараям.

— И что с ним стало?

— Трудно сказать. Некоторые считают, что в момент гибели империи боги поднялись со своих мест. Может быть, и тот, кто сидел здесь, принимая подношения и прислушиваясь к людским просьбам, поднялся на грозную битву. Теперь он где-то рядом с Идрой.

Дараям подошел к самому алтарю. В каменной глыбе видно было углубление, в которое, по-видимому, складывались дары. Юноша увидел в этой нише камешек, напоминавший по форме глаз. Он взял его и потер, очищая от пыли. Камешек, вопреки ожиданиям, не рассыпался в его руках, засверкал мягким желто-зеленым светом. Увидев в камне маленькое высверленное отверстие, Дараям обрадовался. Ашура, следивший за действиями товарища, заинтересованно спросил:

— Что ты нашел?

— Это один из амулетов, по преданиям, подаренный Идрой людям еще до великой битвы. Их мало, этих амулетов, они путешествуют по миру, попадая в руки тех, кому необходимы. Я встречал их описания в книгах Девдаса.

— И что дают эти амулеты? Счастье? Удачу? Богатство?

— Нет, — остановил принца Дараям. — Эти амулеты сейчас почти нигде использовать.

— Тогда зачем он тебе?

Дараям помолчал, а потом произнес:

— А ты не думаешь, что все происшедшее с нами случилось не зря? Шиа не знал, что именно случится, но был уверен в том, что сопровождать тебя должен был именно я. Причем один. Смотри, если бы нас был целый отряд, мы вряд ли прорвались бы через Ахор.

Дараям вытащил из сумки тонкий кожаный ремешок и продел в отверстие амулета. Завязав узел, повесил амулет себе на шею.

— Не обижайся, принц, что не даю амулет тебе, — сказал он. — Его должен носить тот, кому он попался в руки. Все равно служить будет нам обоим.

— А хозяин этого храма не обидится на нас? — спросил Ашура.

— Нет, принц. Это добрый бог, разве ты не чувствуешь?

Юноши решили заночевать прямо на территории храма, только отошли подальше от алтаря и устроились возле стены, защищавшей их от ветерка. На следующий день они надеялись добраться до Оллии.

Утро принесло отрезвление. Открыв глаза, Магам с ужасом вспомнил свой ночной поход к Девике. Ему вдруг представилось, что Кнохт узнал о визите к девушке, о его нелепых обещаниях разрушить планы мага, и Магам похолодел от ужаса. А что, если сейчас его ждет суровое наказание?

Плеснув водой в лицо, Магам вышел из комнаты и дрожа направился в зал, где уже был накрыт завтрак.

Кнохт и Банга сидели за столом.

— О, смотри-ка! Магам совсем как живой! — захихикал Кнохт. — Головка не болит?

Магам перевел дух. Кажется, его вчерашняя игра оказалась удачной, хозяин замка и Банга поверили в то, что он был пьян. Колдун помотал головой, изображая, что отгоняет утреннее похмелье.

— Садись-садись, Магамчик! — Кнохт пригласил его к столу. — Вот, Банга уже отправляется в путь. А ты останешься со мной? А то я могу тебе предоставить краткосрочный отпуск, только очень краткосрочный, на пару дней. Мы тут вечером поколдовали и выяс-

нили, что Синта находится неподалеку. Может, хочешь помочь его изловить?

— Сам обойдусь! — сурово сказал Банга. — Мой племянник — это мое дело!

— Кто ж против! — воскликнул Кнохт. — Тогда мы с Магамчиком пока здесь тебя подождем.

Магам подумал, что настал удобный момент:

— Я бы тоже отлучился, — сказал он.

— Боишься, что Джуга возьмет другого в первые визири?

— Нет. Я бы хотел остановить Ашуру.

— А-а, — протянул Кнохт. — Это несостоявшийся муженек нашей девочки? А чем он тебе мешает? Побегает-побегает, да и сгинет. Тем более что когда мы разбудим Валу, людишки вроде хостинпурского принца вообще не посмеют стоять на нашем пути. Или у тебя есть личный интерес?

Магам заподозрил недоброе, услышав этот вопрос. Но не признаваться же вот так сразу, не зная, какие козыри на руках у Кнохта!

— Есть, — согласился он и принялся лгать. — Однажды он грубо обошелся со мной, когда хоронили князя Хозрема.

— Ну что ж, надо так надо! — широко улыбнулся Кнохт. — Два дня, не более. Кстати, если тебе интересно... Пока ты отдыхал вчера, мы с Бангой посмотрели и за Ашурой. Вскоре он въедет в Ахор.

Глаза Магама загорелись мстительным блеском.

— Отлично! — воскликнул он. — Пока он едет через Ахор, я подготовлю ему встречу перед границей с Оллией!

— Тогда собирайтесь, — сказал хозяин замка. — И поторопитесь, я не хочу, чтобы Вала ждал долго, ему уже и так надоело быть заточенным в перстне.

Закончив завтрак, колдуны поднялись из-за стола.

— Может, ты усмиришь девочек, которые появились на подходах к порталу? — спросил Банга у Кнохта, имея в виду ганг, чьи стрелы прервали до срока жизни многих оллийских воинов.

Хозяин замка расхохотался:

— Нет, дорогой! Девочки — твои, ты ими и занимайся! В конце концов, ганги не появились бы здесь, если бы ты не расшевелил их осиное гнездо и не согнал с насиженного места.

Кнохт был прав. Банга, едва воцарившись,

решил выкурить воинственное женское племя из Оллии и потому отправил охотиться на них сразу несколько отрядов. Больших успехов войска не добились, но ганги стали искать более безопасные места для себя. Так отряды женщин появились на тропах, которые вели через лес к проходу в скалах, ведущему в замок Кнохта.

— Опять же, мне не нужно теперь тратиться на охрану! — продолжал веселиться Кнохт. — Девочки наготово охраняют проход и не требуют денег за это! Так сказать, по любви!

Колдун затрясся в приступе смеха. Банга, видя его веселье, поморщился:

— Зато и выйти из твоего убежища теперь непоросто.

— Ну, ты же знаешь, я домосед! — воскликнул Кнохт, но поняв, что шутка заходит далеко, продолжил серьезным тоном. — Ладно-ладно, я позабочусь о вас.

Несколько пассов руками над головами Банги и Магама, казалось, не произвели какого-либо заметного действия.

— Если в вас будут целиться, — пояснил Кнохт, — у стрелка начнут слезиться глаза, а ваши фигуры будут расплываться и множиться. Ну, а скорость, с которой вы можете передвигаться, поможет стать вам практически недостижимыми для стрел девочек.

Сборы были недолгими, вскоре Банга и Магам выехали из прохода в скалах в оллийский лес.

Некоторое время оба колдуна ехали вместе след в след. Они миновали опасные места, где могли встретить вооруженных женщин, без приключений. Должно быть, ганги на какое-то время отвлеклись на более важные цели. Тропа постепенно стала расширяться. Коротко кивнув на прощанье, Банга пришпорил коня и поскакал в сторону столицы Оллии, надеясь, что войска, посланные вдогонку за Синтой, уже поймали беглеца. Магам же, миновав оллийские земли, въехал на территорию Ахора, где собирался подстроить ловушку Ашуре.

Время перевалило за полдень, когда Магам пересек небольшую реку, на берегу которой стоял рыбацкий дом, крытый соломой. Судя по всему, здесь было крепкое хозяйство. Перед домом к берегу реки, на котором был установлен пустой сейчас причал, сбегал большой огород с многочисленными грядками. За до-

мом виднелись хозяйственные постройки для скота, для хранения зерна.

Магам подъехал к воротам, и огромная собака, сидевшая на цепи, увидела колдуна и зашлась в диком хриплом лае. Магам, не обращая внимания на лай, сполз с коня и направился прямо к собаке. При этом колдун смотрел на нее и шептал какие-то слова. На собаку эти слова произвели волшебное действие, она поджала хвост и стала пятиться от колдуна, искательно заглядывая ему в глаза, будто моля о милости. Колдун наклонился и положил ладонь на собачий загривок, жесткая шерсть на котором встала дыбом. Пес жалобно заскулил.

— Молчи, цуцик! — прикрикнул на собаку Магам, и пес замолчал.

Колдун отошел от него, и собака заползла в свою конуру, чтобы не встречаться больше с опасным человеком.

Но ее лай успел привлечь внимание хозяйки. Из дома вышла женщина в яркой накидке, раскрашенной в красные и желтые цвета.

— Кого послал Идра? — спросила она приветливо.

— Путешественника, надеющегося найти под твоей крышей обед и место для отдыха, — ответил Магам тоном, не предполагавшим возражений.

Поняв, что перед ней человек, привыкший повелевать, женщина поклонилась и приглашающе повела рукой:

— Прошу вас, господин! Этот дом небогат, но путешественник найдет здесь накрытый стол и постель.

— Постель мне ни к чему, — буркнул Магам. — Я так только, посижу немного. Но мне нужна будет комната.

— Я велю дочерям приготовить для вас комнату, — сказала женщина, провожая гостя в дом.

Колдун расположился в просторной горнице, посреди которой стоял большой стол. Из кухни навстречу ему выбежали две девчужки лет шестнадцати, но, увидев предупреждающий взгляд матери, остановились у стены и поклонились гостю.

— Дочки? — спросил Магам, проходя и усаживаясь на лавку, стоявшую у стены.

— Да, господин, — подтвердила женщина.

— Красавицы! — похвалил девочек Магам. — А где хозяин?

— Уехал с сыновьями за рыбой, — пояснила женщина. — Мой муж рыбак, сыновья помогают ему. Ловим рыбу, продаем в деревнях в округе, тем и живем.

— Неплохо живете! — усмехнулся Магам. — Никак, золотая рыбка водится в этой речке?

Женщина смутилась:

— Нет, господин, рыба обыкновенная. Просто работаем много, и мы с мужем, и дети. Девочки вот только закончили огород полоть.

— Да ладно-ладно, — Магам оборвал ее слова. — Разговорами гостей не кормят. Неси вино, давай обед, некогда мне долго лясы точить.

Девочки переглянулись, удивленные грубостью колдуна, но не посмели что-либо сказать. Повинуясь матери, они побежали на кухню...

Ел Магам неопрятно, громко чавкая, крошки сыпались на стол и на пол. Женщина и ее дочери стояли за спиной гостя. Девочки едва удерживались от смеха, глядя, как свинствует за столом колдун, но строгий взгляд матери не давал им расхохотаться. Мать, не желая, чтоб дочки проявили неуважение к гостю, отправила их готовить для него комнату. Конечно, Магам мог бы есть как царедворец, аккуратно и красиво, но он не считал нужным стараться перед деревенскими жителями.

Насытившись, колдун сыто рыгнул.

— Теперь я хочу отдохнуть, — сказал он, и женщина проводила гостя в соседнюю комнату, отделенную от горницы циновкой. В комнате стояли расстеленная кровать, небольшой стол и табуреты.

— Отдыхайте, господин, здесь вам никто не помешает.

— Иди-иди, — отправил ее прочь колдун. — Принеси мне углей и уходи. Я позову, когда ты мне будешь нужна.

Женщина вышла из комнаты, а Магам вытащил из своей сумы маленькую жаровню. Вскоре принесенные хозяйкой угли затеплились в ней, колдун, оставшийся один, продолжал вытаскивать из сумы порошки и травы, бросая малое их количество на жаровню. Последним он извлек зеленоватый камень величиной с кулак и добавил к травам. Камень не горел, но вдруг, нагревшись, стал испускать из себя пар такого же серо-зеленого цвета, каким был сам.

Дождавшись, пока пара станет больше, Ма-

гам сосредоточился и начал произносить заклинания. Лицо его приняло отрешенное выражение.

— Духи без тел, по земле скитающиеся, демоны зла, лишенные дома, услышьте меня, придите ко мне. Пусть дым камня паркаста достигнет вас, пронизет вас, почувствуйте его и слетайтесь к источнику. Трое из вас получают тела, самые сильные, самые быстрые, те, кто повинуется дыму паркаста и мне. Нет у вас рук, чтоб душировать, нет ног, чтоб топтать, нет глаз, чтоб видеть врага, нет ушей, чтоб слышать врага. Дам вам руки и ноги, глаза и уши. Дам вам сердца, чтоб наполнили вы их своей злобой, чтоб нашла она выход в мир. Демоны зла, услышьте меня, придите ко мне.

Казалось, ничего не изменилось вокруг, но, почувствовав нечто, Магам удовлетворенно улыбнулся. Он прекратил произносить заклинания и крикнул:

— Хозяйка!

Женщина, уже завидевшая серо-зеленый дым, проникавший сквозь цинковку в горницу, поспешила к нему:

— Господин, что вы здесь творите?!

Войдя в комнату, она испуганно замерла на пороге. Магам с неожиданной для его толстого тела прытью схватил ее за руку, подтянул к жаровне и заставил наклониться над камнем, все еще испускавшим странный дым, в котором тережились стены комнаты.

Женщина попыталась крикнуть, но едва открыла рот, как невольно вдохнула дым, и тут же тело ее расслабилось, а затем мышцы вдруг налились невиданной силой. Магам почувствовал это и отпустил женщину, точнее, то существо, которое находилось теперь в женском теле.

Глаза хозяйки засветились нехорошим блеском, обращаясь к Магам, она сказала:

— Чего ты хочешь за то, что подарил мне это тело?

— Позови дочерей, — приказал ей Магам. Хоть в его тоне и слышались повелительные нотки, все же говорил он гораздо спокойнее, чем до того с хозяйкой. Магам знал, что ракас не причинит ему зла, поскольку не мог повредить человеку, возвратившему его в мир людей, но считал, что безопаснее будет не нарываться на неприятности.

Ракас выскользнул за порог комнаты и тот-

час появился, таща за руки девочек. Те сопротивлялись и кричали:

— Мама, мама! Зачем ты ведешь нас к этому человеку?

Они были напуганы необычным поведением матери, злобным выражением ее лица, искажившегося от того, что ее телом завладела демоническая сущность. Магам не пожелал долго слушать девичий визг, он схватил девочку за волосы и, как прежде их маму, заставил нагнуться над жаровней. С ними произошла та же метаморфоза, что и с женщиной.

Три демона, посмотрев друг на друга, расхохотались. Магам любовался ими, как добрый папочка расшалившимися детишками.

— Говори! — обратился к нему первый ракас.

Колдун не заставил себя долго упрашивать:

— Сегодня ближе к вечеру возле вашего дома проедут два юноши. Один из них — принц Хостинпура Ашура, второй — его помощник. Убейте их!

— Кровки хочется! — жалобно протянула одна из девочек.

— Вскоре сюда вернутся хозяин дома и его сыновья, — сказал ей колдун. — Получишь кровки. Но главное — убить принца. Он может не захотеть зайти в ваш дом. Подумайте, как его сюда заманить.

— Не волнуйся, — успокоил волшебника старший ракас. — Мы все продумаем. Можешь считать, что принц уже мертв.

Больше Магама ничто не задерживало в этом доме. Он вывел из конюшни коня, которого хозяйка успела накормить и вытереть, пока колдун призывал демонов. Собака, усмиренная колдуном, теперь крутилась возле конуры, принюхиваясь к запахам, долетавшим из дома. Двинувшись в дорогу, Магам услышал позади себя протяжный, надрывающий душу собачий вой.

Глава десятая

Будь ты самым опытным колдуном, работать тряпкой и веником все равно придется, если в лаборатории царит бардак, а новый слуга в доме пока не появился. Донкранк Фир устал, приводя в порядок свой рабочий кабинет.

Попивая восстанавливающий силы отвар из

блюдечка, украшенного каймой из голубых мелких цветочков, Донкранк вдыхал свежий морской воздух, долетавший из раскрытого окна.

Славным, ярким, солнечным выдалось это утро в Лахи. Допив ароматный отвар, Донкранк встал из-за стола, потянулся, довольный собой, и подошел к окну. Во двор слетелась стайка голубей, важно вышагивавших неподалеку, выскивая невесть откуда взявшиеся зернышки. Маг подумал было, что стоило бы отогнать птиц, чтоб они не смутили его воробья, но счел это излишним. Маленькая птичка, некогда извлеченная из сопредельного мира, могла легко справиться с голубем и даже более крупной птицей. Донкранк, изучавший поведение воробья, пришел к выводу, что дома птичке приходилось постоянно бороться за свою жизнь. Здесь же для нее оказались вполне комфортные условия.

Птичка большей частью безмятежно спала, пробуждаясь только для того, чтобы выполнять поручения мага.

Колдун посмотрел в небо и сразу заметил малюсенькую черную точку, постепенно увеличивавшуюся. Скорость передвижения воробья была просто фантастической. Вскоре Фир убедился, что не ошибся. Его птица подлетала к дому волшебника.

Голуби, гулявшие по двору, лениво посмотрели на собрата. Они не проявляли агрессии, зато воробей, обидевшись, что на его территорию и его зернышки посягнули, камнем упал с неба на одного из голубей, врезавшись клювом в тело птицы. Другие голуби тут же взлетели и понеслись прочь, а воробей вырвал клювом кусок мяса с перьями из тела своей жертвы. Голубь вырвался из-под страшного клюва и попытался взмахнуть крыльями, но уже не смог этого сделать. Воробей вновь налетел на врага и продолжал буквально рвать его. Донкранк спокойно наблюдал за расправой. Когда голубь испустил дух, воробей, перемазанный в крови, уселся на подоконник перед волшебником.

— Добро пожаловать! — сказал тот птичке. — Отдохни с дорожки. Кушать хочешь?

Воробей кивнул головкой.

— Ну, давай, умничка моя, сейчас покормлю.

Донкранк подошел к кухонному столу, на котором лежали гроздь винограда, яблоки, хлеб, и

начал нарезать все это кусочками. Птица резво перелетела за ним и принялась поедать все это с ужасающей скоростью.

— Проголодался, мой маленький, проголодался, хорошенький, — приговаривал Фир, скармливая прожорливой птичке кусок за куском, — кушай, зайка, кушай!

Когда виноград, яблоко и хлеб были съедены, Донкранк внимательно посмотрел на воробья.

— Ну, рассказывай, где был, что видел!

Глаза мага встретились с черными бусинами глаз воробья, птица зачирикала. Донкранк сам не очень четко осознавал, каким образом ему удастся понимать птицу. Просто в его голове возник рассказ птицы, невидимая связь, возникшая между глазами колдуна и воробья, давала ему возможность видеть то, что видела птица, а ее чириканье трансформировалось в слова.

Волшебник заметно обеспокоился, когда узнал, что перстень попал в руки колдуна Кнохта, на лицо его легла серая тень.

— Вероятно, он хочет разбудить Валу, — проговорил Фир. — Жалкий безумец!

Волшебник посмотрел на свою раскрытую ладонь. На его руке не хватало мизинца.

— Да, придется собираться в путь. Спасибо, лапушка, ты мне очень помогла, — обратился он к птице. — А теперь — баиньки?

Птица вновь кивнула. Донкранк поместил ее в клетку, накрыл покрывалом и унес в комнату, где птица проводила большую часть жизни.

Колдун взял дорожную суму и поднялся в лабораторию, чтоб собраться в дорогу...

Пока колдун шел по городу, он ничем не отличался от обычного старика, отправившегося куда-то по своим делам. Но когда городские улицы остались позади и вокруг не стало видно других людей, началось нечто неожиданное. Волшебник, только что находившийся на одном месте, вдруг исчез и возник в другом, а именно там, куда мог дотянуться взглядом. Поскольку вокруг Лахи простирались равнины, его путешествие было очень скорым.

Не переставая передвигать ноги, колдун в один момент оказывался так далеко, как только мог видеть. Путешествуя таким образом, он очень скоро достиг мест, где цветущая равнина смешивалась с песком пустыни. Какое-то время у него под ногами еще была трава, затем — лишь ее редкие кустики, выбивавшиеся из

песка, наконец Донкранк стал шагать по песку. Насколько хватало глаз, впереди простирались пески Великой Пустыни, отделявшей Лахи от Оллии.

Волшебник шел не останавливаясь. Уже часа три он шагал по пустыне, песок набился в мягкие сапоги и колол подошвы, но Фир умел не обращать внимания на такие мелочи. Солнце немилосердно палило, и колдуну было жарко в черном плаще, накинутом на плечи. Пот, выступавший на лбу, закрытом капюшоном, попадал в глаза. Вытирая лоб, волшебник упорно шагал дальше.

Неожиданно он остановился и принял. Он уловил ветер раньше, чем тот прилетел. Песок вокруг закружился, поднятый резким порывом.

— Тут как тут! — недовольно сказал Фир. — Не обойтись без них.

Огромные серые грифы показались на горизонте. Фир вновь зашагал, еще надеясь, что сможет от них уйти. Грифы вдали закружились, столкнувшись с необычным способом передвижения. Донкранк менял направление, смотря в разные стороны. В пустыне его взор мог покрыть значительное пространство, и, соответственно, Донкранк оказывался то здесь, то там.

Однако ему мешал ветер, поднятый пустынными колдунами. Песок, взметенный ветром, окружил колдуна будто глухой непрозрачной стеной. Поэтому сильно ограничили и расстояния, на которые мог передвигаться Фир.

Серые грифы окружили его и опустились на землю, превратившись в людей. Фир увидел перед собой высоких худощавых пустынных колдунов, чьи лица были изборождены морщинами, а в глазах стального цвета полыхало желание убивать.

— Добрый день! — поздоровался с ними Фир. — Заметьте, что лишать меня жизни не в ваших интересах.

Колдуны сжимали круг, не обратив внимания на его слова.

— Зря вы так, ребята! — укоризненно сказал волшебник. Ветер, поднятый колдунами, уже стих, и Донкранк снова мог видеть далеко. Он сделал шаг и исчез из сжимавшегося круга, оказавшись в полтора сотнях шагов от колдунов.

Двое из них высоко подпрыгнули и взлетели в небо, обернувшись грифами. Остальные направились к поджидавшему их волшебнику. Донкранк спокойно стоял на месте, над его головой кружились два грифа, вновь поднимаемая ветер.

Волшебник дождался, пока колдуны приблизились к нему. Они двигались молча и неотвратимо.

— Не скажу, что мечтал о встрече с вами, но раз уж мы все-таки встретились, у меня есть для вас интересное предложение! — закричал Фир.

Уподобляясь плохому бродячему актеру, что зарабатывают кусок хлеба, путешествуя по городам и весям, и выступают на площадях, окруженные нетребовательными зрителями, Донкранк выдержал паузу.

— Говори! — распорядился один колдун.

— Сдается мне, что вы хотели бы повидаться с вашим другом Хуллой.

Это имя произвело на колдунов ожидаемое Фиром действие. Раздались крики:

— Хулла жив?!

— Где этот предатель?

— Отдай нам его!

— Смерть Хулле!

Донкранк покивал и спросил:

— А чем он вам так насолил?

Колдун, начавший разговор с магом, пояснил:

— Этот отщепенец захотел власти над всеми нами. Пустынного колдуна может убить только другой пустынный колдун, если отберет у него нечто. Хулла отнял жизни троих из нас, но не смог победить всех. Он был наказан. Мы полагаем, что его нет в живых.

Донкранк Фир предложил:

— Почему бы вам не прогуляться вместе со мной? Я вам — Хуллу, а вы мне поможете прикончить его нового хозяина Кнохта.

Колдуны переглянулись.

— Ты не ошибся? У Хуллы есть хозяин? Как низко можно пасть, когда идешь против своих! — покачал головой человек-птица.

Вскоре Фир вновь шагал по пустыне, с каждым шагом приближаясь к горной гряде, где располагался замок Кнохта. За ним в отдалении, чтоб не мешать волшебнику поднимаемым ими ветром, летели грифы.

Синта очнулся в лесной хижине. Он попытался подвигать руками и ногами, но понял, что связан. Поерзав, он добрался до стены хижины и оперся на нее спиной, усевшись лицом ко входу. Юноше хотелось пить, но в хижине не было ни воды, ни еды. Он не знал, как очутился здесь. Спутники его были убиты еще в столице, когда беглецы пытались перескочить через дозор, поставленный Бангой на дороге. Синте чудом удалось спастись. Люди, которые ему помогли, приняли на себя удары копий, предназначавшиеся его царственной особе, благодаря этому сам Синта получил возможность проскочить дозор невредимым.

Затем последовал утомительный путь на северо-восток. Синта не знал, куда он должен был приехать. Заговорщики, освободившие его из темницы и спасшие от казни, должно быть, имели план спасения, держали наготове место укрытия, но не успели поставить об этом в известность самого Синту. Молодой царь счел, что лучше всего будет обратиться к царю Хостинпура Падаси, известному своей справедливостью.

Но жизнь сломала его планы. Юноша не смог миновать чащи, стоявшие на границе Оллии и Ахора. Еще до того как он достиг границы, Синта оказался пленником, причем ему не было известно, кто его пленил. Он помнил только, что, когда ехал по лесной тропе, откуда-то сверху на него спрыгнул человек. Вместе они свалились на землю, а потом Синта получил мощный удар по голове и потерял сознание.

На улице слышались женские голоса. Синта не знал, где он находится, и раздумывал, стоит ли позвать кого-либо, подав голос. Так или иначе, люди, поместившие его в хижину, обнаружат, что пленник проснулся. Подумав об этом, юноша решил, что не будет вреда, если это случится раньше. Если его захотят убить, то все равно сделают это, а если нет, то хоть позволят утолить жажду.

Он попытался закричать, но пересохшее горло выдало какой-то визгливый звук. Откашлявшись, он предпринял еще одну попытку подать голос, и на этот раз получилось лучше. Юноша услышал легкие шаги, дверь отворилась, и в хижину вошли две девушки. Синта был поражен их красотой. Девушки были стройны и улыбки. Черные длинные

прямые волосы удерживались плетеными обручами. Войдя, они посмотрели на Синту и рассмеялись, до того забавным показался им вид юноши, растерявшегося от неожиданности. Он не мог предполагать, что его пленили девушки.

— Смотри-ка, Риска, он пришел в себя! — сказала одна из них. — А ничего, симпатичный нам попался парнишка. Как думаешь, Воительница отдаст его нам или наконец-то решит воспользоваться случаем сама?

Синта понял, что находится в плену у ганг. Девушка назвала титул женщины, которая была вождем племени.

— Не знаю, Наска, — улыбнулась вторая девушка. — Ей не нравились прежние, вряд ли понравится этот. Ну, тебе не кажется, что пора проявить вежливость и поздороваться?

Ее вопрос был адресован Синте.

Юноша кивнул головой, что означало приветствие. Его пересохшие голосовые связки от пережитого удивления совсем перестали слушаться хозяина.

Девушки рассмеялись.

— А ты немногословен! — прокомментировала его кивок Наска. — Глядя на тебя, я понимаю, почему мужчине нельзя доверять воспитание детей. Чему может научить такой молчун! А может, ты немой?

Синта счел излишним отвечать на этот вопрос. Он неловко себя чувствовал, будучи беспомощным перед двумя особами женского пола, которые насмеялись над ним. Юноша, повернувшись, встал на колени, а затем поднялся на ноги. Он почувствовал легкое головокружение и, переведя дух, повернулся к девушкам. Теперь, стоя на ногах, он ощутил уверенность в себе. Перемена благоприятно сказалась и на пересохшем горле. Ему удалось выдать несколько слов:

— Я вежлив с теми, кто проявляет вежливость при встрече со мной. Вас в этом обвинить трудно.

— Посмотри, Наска, как он смешно говорит! — воскликнула одна из девушек. — Это не голос, а скрип какой-то!

— Риска, он просто хочет пить. Принеси ему воды, хотя такого грубияна поить не стоило бы. Связан, находится в полной нашей власти и нас же учит вежливости.

— Вы ганги? — спросил Синта оставшуюся девушку, чтобы заполнить повисшую паузу.

— Да, — просто ответила она. — Мы взяли тебя в плен, когда ты въехал на нашу территорию.

Синта вспыхнул:

— Я находился и нахожусь на своей территории!

Девушка посмотрела на него словно на таракана, непрошено выбежавшего на стол во время обеда.

— Тогда почему ты связан? — спросила она.

— На меня напали не по правилам! — попытался оправдаться Синта.

— Ну, если ты такой правильный, то вряд ли стал бы сражаться с девушками! — расхохоталась Наска, продемонстрировав красивые ровные белые зубы. — Что же нам, бедным слабым существам, оставалось? Драться с тобой — не по правилам. По доброй воле ты вряд ли захотел бы пойти с нами. Не так ли? Пришлось пригласить тебя тем способом, каким мы обычно приглашаем мужчин в наши селения.

Синта понял, что спор продолжать бесполезно.

— Я хочу говорить с вашей правительницей, — сказал он приказным тоном.

— Конечно, гость! Если только Воительница захочет говорить с тобой.

Девушка то ли дразнила пленника, то ли пыталась поставить его на место, издеваясь над мужской гордостью.

Вернулась Риска, неся в руках кувшин. Она приложила его край к губам юноши, и Синта ощутил вкус холодной воды, от которой стало ломить зубы. Риска сильно наклонила кувшин, и струйки воды потекли по подбородку юноши. Увидев это, Наска тыльной стороной ладони вытерла его лицо. Синта подумал, что даже жизнь в самых трудных условиях, жизнь без мужчин все равно не вытравит инстинкт заботы, присущий женщине.

Наска поймала его взгляд и смущенно опустила глаза.

— Ну, хватит его поить, а то еще обделается прямо сейчас от неожиданности! — сказала она.

Риска рассмеялась, отнимая кувшин от губ пленника. Синта сделал вид, что не услышал грубоватой шутки. Этой грубостью Наска явно хотела прикрыть смущение.

— Все? Больше ничего не хочешь? — спросила Наска.

— Я хочу говорить с вашей правительницей! — повторил Синта.

— Это я уже слышала и ответила тебе! — оборвала его Наска. — Мы расскажем ей, что ты очнулся, и, если она захочет тебя видеть, отведем тебя к ней.

Девушки вышли, прикрыв дверь хижины. Синта, выждав несколько минут, хотел было выйти за ними. Он в несколько прыжков на связанных ногах достиг двери и толкнул ее плечом. Дверь оказалась запертой. Синта подумал, что это к лучшему. Ему не хотелось передвигаться по лагерю на глазах у женщин прыжками, словно кузнечик.

Ожидание юноши длилось недолго, вскоре его смешливые знакомые появились вновь. Наска, вытащив из-за пояса нож, ловким движением перерезала веревки, связывавшие ноги пленника.

Синта шагнул на улицу, ведомый гангами, и зажмурился от света. Привыкнув, он стал с любопытством осматриваться. Девушки вели его вдоль ряда хижин, в некоторых из них раздавались детские голоса. Синта увидел в поселке десятка два ганг, занятых своими делами. У одной из хижин сидели, собравшись в кружок, сразу пять ганг, занимавшиеся подготовкой оружия. Наконечники стрел и копий насаживались на дровяки. Пожилая женщина остряла о камень металлические наконечники. Она недобрым взглядом окинула Синту и вернулась к своей работе. Юноша обратил внимание на то, как наливались мускулы на ее сильных руках при каждом движении. Молодые девушки, напротив, смотрели на Синту заинтересованно, но он не отвечал на их улыбки. Юноша еще не знал, чего ему ожидать от суровых воительниц.

Поселок ганг был достаточно хорошо укреплен. За хижинами Синта разглядел частокол из заостренных кольев. Кое-где по периметру поселка юноша увидел ганг, стоявших на страже. Наверняка этими постами защита поселения не ограничивалась. Вероятно, на лесных тропинках были и другие посты и ганги могли быстро передавать информацию об опасности, если в округе появятся неожиданные гости.

Вдалеке юноша увидел группу девочек, играющих, накидывая обруч на стоящий в отдалении колышек. После каждого промаха бросавшая

издавала огорченный крик, а ее подружки смеялись, спеша показать свою ловкость. Но колышек был вбит довольно далеко и попасть оказывалось трудно. Синта так увлекся этой картинкой, что не заметил, что Наска остановилась, и натолкнулся прямо на нее.

— Ты не только говорить не умеешь, но и смотреть не научился! — воскликнула девушка.

— До чего ты неловок!

— Ведите дальше! — сказал он.

— А вести-то и некуда! — заявила Риска. — Мы пришли. Вот дом Воительницы.

Наска подтолкнула юношу, и он шагнул в хижину, ничем не отличавшуюся от других.

* * *

Лесная тропа, на которую вышли Ашура и Дараям, использовалась время от времени людьми. Возможно, крестьяне переходили здесь границу между Оллией и Ахором, а может быть, тропу натоптали охотники в погоне за не знающим людских ограничений зверьем.

До вечера они не встречали препятствий на своем пути, а вечером... Ашура первый услышал жалобные стоны и плач. Где-то впереди на тропе плакала девушка. Принц поспешил вперед, он не видел происходящего, поскольку в этом месте деревья росли густо, а молодая листва разрослась уже так сильно, что сквозь нее не было ничего видно в нескольких шагах. Тропинка круто сворачивала влево. Ашура почти бежал на звуки плача и стонов, бросив повод своего коня. Принц решил, что его скакуну ничто не угрожает, тем более что следом поспешал ученик жреца.

Наконец, обогнув широкие ветви дерева, преграждавшие тропу, Ашура увидел на тропе стоящую на коленках девушку, содрогавшуюся в горьких рыданиях. Ее лицо и руки были в крови. Ашура кинулся к ней, встал рядом на колени и обхватил рукой, стараясь успокоить. На ее щеке багровела глубокая кровавая борозда.

— Ты ранена? — спросил он обеспокоенно.

— Да-а! — протянула девушка и опять забилась в рыданиях.

— Кто это сделал? — спросил Ашура, начав тормозить девушку. Ему казалось необходимым заставить ее говорить, чтобы успокоить истерику.

— Тигр! — ответила девушка.

Ашура посмотрел на нее недоверчиво.

— Куда же он пропал?

— Убежал в лес, — ответила девушка, всхлипывая.

Тем временем приблизился Дараям. Ашура поднялся ему навстречу, но девушка, увидев это, обхватила руками его колени:

— Не-ет! — закричала она. — Не оставляй меня, господин! Мне страшно оставаться одной. Тигр может вернуться!

Взгляд Дараяма упал на руки девушки, сжимавшие колени Ашуры. Ее длинные ногти были красны от крови. Дараям потряс головой, отгоняя нелепую мысль.

— Не волнуйся, мы не уходим! — сказал Ашура девушке. — Давай я помогу тебе. Ты можешь идти сама?

— Не-ет! — вновь протянула девушка.

— Тогда я помогу тебе взобраться на коня.

Ашура стал приподнимать ее, взяв за руки, и девушка при этом даже не сделала попытки самой подняться. На помощь принцу поспешил Дараям, но девушка, едва он приблизился, рванулась в другую сторону от него.

— Чего ты боишься? — ласково обратился к ней Ашура. — Это мой друг, он не причинит тебе вреда.

Девушка, будто не слыша его, отползала дальше по тропинке. Казалось, она делала это против своей воли, будто что-то в ней сопротивлялось прикосновению к ученику жреца. Дараям в растерянности остановился.

— Хорошо, я сам подниму тебя в седло, — сказал принц.

Он отошел на несколько шагов и тут же вернулся, ведя за уздечку своего скакуна. Но на этот раз конь уперся и заржал. Ашура потянул за узду, но конь, проявляя ослиное упрямство, отказался повиноваться.

— Ничего не понимаю, — сказал Ашура. — Может, его пугает запах тигра?

Принц поднял девушку на руки, при этом она показалась принцу невероятно тяжелой. Эта тяжесть была странной при ее невысоком росте и худощавой фигуре. Принц понес ее к коню, но тот бросился в сторону.

— Веди его за нами! — распорядился принц и пошел вперед по тропинке. Дараям последовал за принцем, ведя за узду обеих коней.

Дорога заняла около часа, и Ашура изрядно устал. Девушка, казалось, комфортно устроилась на его руках. Принца удивляло ее равнодушное лицо, с которым она принимала помощь. Принц подумал, что это равнодушие было следствием пережитого ужаса от нападения лесного хищника.

За деревьями показался ухоженный двор с хозяйственными постройками. Миновав сарай и хлев, Ашура очутился перед высоким крыльцом ладного дома. Ему показалось странным, что из хлева, где должны были находиться домашние животные, не доносилось ни звука. Не выскочила навстречу и собака, хотя у ворот стояла конура.

Когда принц ступил на крыльцо, дверь открылась. На пороге стояла женщина, несколько не удивившаяся при виде дочери, которую нес на руках незнакомец. Она посторонилась, давая им дорогу. Ашура почувствовал беспокойство. Ему показался странным такой равнодушный прием, и он обернулся назад, ища Дараяма. Его товарищ отстал, но принц услышал, как конские копыта ступают на сухую землю, и успокоился.

Сумерки погружали двор во мрак, а когда Ашура вошел в дом со своей ношей на руках, ему потребовалось время, чтобы глаза привыкли к темноте. Света в доме не было. Остановившись на пороге, юноша почувствовал сильный толчок в спину.

— Проходи скорее, — сказала женщина.

— Вашей дочери нужна помощь, — проговорил принц, делая шаг вперед. — На нее в лесу напал тигр.

За спиной Ашура услышал смешок. Он обернулся, в этот момент девушка соскочила с его рук. Принц растерялся. Женщина вновь толкнула его с такой силой, что он едва удержался на ногах.

— Как ты смеешь! — воскликнул юноша.

— Запри дверь! — прохрипела девушка, обращаясь к матери.

Ашура услышал шаги в глубине комнаты. К этому времени глаза его стали различать то, что происходило вокруг. К ним, тяжело ступая, приближалась еще одна девушка.

— А это точно — принц? — спросила мать первую девушку и повернулась к Ашуре. — Ты вправду — принц Ашура?

На лбу Ашуры выступила испарина. Он понял, что попал в нехорошее место.

— Нет! — попытался схитрить он. — Принц идет следом, а я его помощник.

— Он врет! — громко сказала девушка. — Я слышала, как он приказывал второму вести коней!

— Надо было привести сюда и второго, — проворчала мать.

— Нет, у него есть оберег, он отталкивает нас, — возразила девушка.

— Что ты болтаешь? Откуда у него оберег?

Пока они разговаривали, вторая девушка приблизилась к принцу и, резко взмахнув рукой, рассекла ему кожу на шее своими длинными ногтями. Не дернись принц в сторону, он, возможно, погиб бы от этого удара, настолько сильной оказалась казавшаяся хрупкой девчонка. Ашура резко бросился вперед, сильно толкнув женщину, преграждавшую ему путь к выходу, но та даже не шевельнулась от толчка. Она рассмеялась и легко ударила принца левой рукой, отчего Ашура отлетел в сторону и упал. Быстро вскочив, он отступил в угол. Женщина и девушки наступали на него.

— Дараям! — закричал принц так громко, как только мог. — Это демоны! Беги и спаси Девуку!

Принцу очень хотелось позвать своего друга на помощь, но он подумал, что с этими существами им и вдвоем не справиться. Если они оба погибнут, кто тогда сможет вырвать его невесту из рук похитителей?

Принц выхватил меч и сделал глубокий выпад, целя в женщину. Та лишь чуть отступила. Меч вошел в ее тело неглубоко, но это не принесло никакого видимого вреда. Та ее дочь, которую Ашура принес из леса, распалая себя, резко ударила ногтями по щеке. Рядом с царапиной, которую якобы оставили тигриные когти, появилась вторая.

Принц понял, что эти демоны не чувствуют боли. Он занес меч над головой и уже собрался снести голову девушке, подошедшей слишком близко, но в этот момент от мощного удара распахнулась дверь, которую мать плохо заперла. В комнату одним прыжком влетел Дараям. Троица демонов с визгом раскатилась по углам. Меч принца рассек воздух в том месте, где только что стояла девушка.

— Не убивай их, Ашура! — закричал Дараям.

Принц держал меч наготове. Увидев друга, он облегченно перевел дух, но все же сказал:

— Они убьют нас, если мы не покончим с ними.

— Нет, — возразил Дараям. — Видишь, они боются меня.

С этими словами он шагнул ближе к демонам, те задрожали и стали вжиматься в стены, будто стараясь сквозь них просочиться наружу.

— Уйди! — хрипло сказала женщина Дараяму.

— Не мучь нас! Нам больно!

Дараям отступил, но так, чтобы в случае необходимости вновь приблизиться. Он тут же пожалел об этом, поскольку одна из девиц, рванувшись сквозь невидимую преграду, попыталась достать своими пальцами принца. Дараям вновь шагнул вперед, и демоны завyli, словно из них тянули жилы. Ашура тут же встал рядом со своим другом.

Убедившись, что существа не могут больше причинить вреда, а лишь корчатся в муках, Дараям осторожно отступил на полшажка. Видимо, демонам тут же стало легче. Они задышали спокойнее, хотя видно было, что им все равно тяжело.

— Почему ты не хочешь убить этих демонов? — спросил Ашура.

— Утром они станут людьми, — коротко пояснил Дараям.

Ашура кивнул. Он подтащил скамью, стоявшую у стены, на которую оба уселись в ожидании рассвета. Принц не убрал меч в ножны, так ему было спокойнее. Демоны тихонько постанывали в своих углах.

За ночь Дараям успел рассказать Ашуре, что его задержало. Еще в лесу, увидев, как девушка отползала, когда он подходил, юноша понял, что дело нечисто. Испуг коня, отказавшегося приблизиться к ней, подтвердил догадку. Животные, привыкшие жить с людьми, боятся расасов. Уже тогда Дараям подумал, что телом девушки мог завладеть демон, о таких случаях ему приходилось слышать в детстве.

Дараям ступал за принцем, несущим девушку, и так же удивился, не услышав никаких звуков из хлева. Он бросил взгляд на плохо прикрытую дверь и увидел, что двери не дает закрыться чья-то прищемленная рука. Юноша дождался, пока принц с девушкой скроются из виду и, оставив лошадей, подошел к хлеву. Когда он открыл дверь пошире, его глазам

предстала жуткая картина. Вся солома, покрывавшая земляной пол, была залита кровью. В загоне лежали убитые коровы, их шеи были разорваны словно когтями. А за ними юноша увидел тела мужчины и двух мальчиков, убитых таким же жестоким способом. Дараям на секунду закрыл глаза, когда к горлу подступила тошнота, но справился с собой. Зайдя внутрь, он убедился, что мужчине и мальчикам было уже не помочь. В этот момент он услышал крик Ашуры и побежал на выручку принцу. Благо, дверь в дом была лишь прикрыта, а не заперта на засов.

Текли часы, утомленный Ашура, едва избежавший смерти, начинал клевать носом, но, едва голова его клонилась, встряхивался и открывал глаза. Демоны издавали легкие стоны, а перед рассветом совсем замолкли. Обманутая неподвижностью Дараяма, женщина попыталась было отползти от стены, но юноша так глянул на нее, что она вновь вжалась в дощатую перегородку.

Едва первый солнечный луч осветил комнату, проникнув сквозь узкое окно, женщина и девушки встрепенулись. Они непонимающе уставились на принца и Дараяма. Узрев меч в руках Ашуры, женщина вскрикнула и бросилась к дочерям:

— Не убивайте нас, добрые люди! — быстро заговорила она. — Мы не сделали вам ничего плохого.

— Не волнуйся, мы только защищали ваш сон, — сказал ей Дараям.

— Защищали? — переспросила женщина. — От кого?

Она обернулась и, увидев глубокие царапины на лице дочки, кинулась вытирать кровь, запричитала. Тут же от резкого движения, видимо, раскрылась рана на ее животе, нанесенная мечом Ашуры. Она схватилась за живот, но рана была неглубокой, и женщина вновь переключила внимание на девочек.

— А где папа? — заплакали дочки. — А где братики?

— Ты сможешь им все объяснить? — тихо спросил принц Дараяма. — Я не в силах вынести этого.

Принц поднялся и вышел из дома. Ученику жреца пришлось самому объясняться с женщиной и девочками. Он не сказал им всей правды,

а объяснил, что в дом ночью приходили демоны, которые околдовали их и убили мужчин.

Женщина и ее дочери вышли во двор, где ждал Ашура. Теперь, при свете дня, он увидел за конурой убитую собаку. Ее голова была неестественно задрана, а густая шерсть перемазана в крови из рваной раны на горле.

Женщина не пустила дочерей к хлеву, а сначала пошла туда одна. Отстав на несколько шагов, за ней следовал Дараям, чтобы в случае необходимости оказать помощь...

Юноши покидали дом, погруженный в траур. Девочки тихо плакали, прижавшись друг к другу. Горе их матери было столь глубоким, что она не могла даже облегчить его слезами. Ее бледное осунувшееся лицо, изборожденное морщинами, которых не было еще вечером, застыло, словно скорбная маска. Деревянным голосом в нескольких словах она рассказала принцу и его товарищу о том, что вечером в ее доме был гость — толстый невысокий человек, с бородой и волосами, заплетенными в косы. Как приехал этот господин, державшийся словно человек, привыкший повелевать, она помнила, а его отъезд начисто стерся из памяти.

— Что ты теперь будешь делать? — спросил ее Дараям. — Есть кто-нибудь, кто будет заботиться о тебе и твоих дочерях?

Женщина покачала головой.

— Тогда похорони своих мужчин, которые уже на дороге к Идре, и отправляйся в Хостинпур, — предложил ей Ашура. — Иди прямо во дворец к царю Падаси. Если тебя не будут пропускать, покажи вот это.

Он снял со своей руки браслет. Это было золотое украшение, очень дорогое. Продав его, можно было бы купить такой же дом с хозяйственными постройками, садом и огородом, в котором жила несчастная семья. Но принца это не остановило. Он очень хотел помочь женщине и девочкам.

— Если покажешь браслет, тебя пропустят к царю. Скажи ему, что Ашура еще не добрался до цели. Расскажи ему, что произошло сегодняшней ночью, и передай мою просьбу позаботиться о тебе. Да смотри, будь осторожна в пути. На ахорских дорогах много солдат, они могут причинить вред твоим дочерям. Храни вас Идра!..

(Окончание в следующем номере)

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, завотделом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Автор шести книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

